

101

ПРОЗАИК XXI ВЕКА

Татьяна
Гржибовская

Господин
ИСПОЛНИТЕЛЬ

Музыка растворялась в туманной дымке сны, а когда истаяла совсем, пианист широко раскинул руки, припал к роялю грудью, будто в стремлении слиться с ним воедино. ...Сердце захлестнула горячая волна восторга. Он победитель! Наконец-то, как когда-то давно, очень давно, когда он шёл к своему триумфу. Вот оно, счастье! Но что-то мешало полностью отдаться этому чувству. Ах да! Этот замолчавший синтезатор...

роман-трагифарс

Татьяна Викторовна Гржибовская

Господин исполнитель

Серия «101 прозаик XXI века»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54022506

Господин исполнитель: У Никитских ворот; Москва; 2020

ISBN 978-5-00170-059-3

Аннотация

Когда тонешь, хватаешься за соломинку. Пианист Кречетов, не знающий поражений, терпит провал на конкурсе Чайковского и готов свести счёты с жизнью. Но вдруг появляется друг детства и вовлекает пианиста в мир шоу-бизнеса, где правит золотой телец. Шоумен создаёт яркие, впечатляющие, но разрушающие сознание музыкальные композиции. Предавшего своё призвание пианиста преследует злой рок. Даже любовь всей жизни оказывается всего лишь блуждающим огнём. Попытки выкарабкаться порой трагичны, порой анекдотичны, но одинаково безуспешны. Но Кречетов следует известному кредо «шоу маст гоу он», и в голове его созревает гениальный план...

Содержание

По клавишам судеб	5
Прелюдия	10
Глава 1. Провал	20
Глава 2. Гудвин от музыки	40
Глава 3. Тень гоблина	62
Глава 4. Кризис жанра доктора Ольшанского	81
Глава 5. Теремок	93
Глава 6. «Хайды» и «Джекилы»	113
Глава 7. Несносный Кречетов	133
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Татьяна Гржибовская

Господин исполнитель

© Гржибовская Т.В., 2020

© Оформление, серия, Издательство «У Никитских ворот», 2020

По клавишам судеб

Всегда говорил, что та проза хороша, в которой автор создаёт мир, где комфортно чувствовал бы себя сам. Роман Татьяны Гржибовской «Господин исполнитель» абсолютно соответствует этому моему представлению.

В наше время замахнуться на крупную форму – стоический подвиг. Ведь роман – это не только объём текста, это ещё множество линий, разброс мест действия, диалектика персонажей. Всё это в романе Гржибовской есть.

Он устроен гармонично, как те произведения, которые упоминаются в нём. Он устроен напряжённо, как развивающаяся крупная музыкальная форма.

О чём он? Вы, наверное, уже догадались, что он о музыкантах. Но брендировать его только подобным образом было бы слишком прямолинейно. Он о тех невероятных коллизиях, которые происходят в жизни талантливых людей, об их битве со временем, с мировой энтропией. Писатель умеет в кратких словах определить решающие чёточки эпохи:

«Кто хочет слушать классику, у того денег нет, а у кого деньги есть, тот хочет балдеть и ни о чём не думать. Жизнь у нас такая, не до высоких материй».

Горькая, но очень точная черта.

В центре повествования – пианист Владислав Кречетов.

Формально начальным толчком для развития сюжета стал его провал на конкурсе Чайковского, но вскоре мы понимаем, что дело не только в этом из ряда вон выходящем событии, а в самой личности музыканта. Сама личность является поводом для написания такого объёмного текста. И здесь подход автора ясен: невероятно интересно исследовать под писательским микроскопом человека внутреннего, живущего музыкальными страстями, не пускающего в себя грубость мира ни под каким видом.

Такие личности очень хрупки, и общество обычно не способно это понять, что и рождает конфликт. В первых главах романа мы видим, как после необъяснимой умопомрачительной неудачи на конкурсе Чайковского Кречетов начинает ломаться. Идёт последовательное описание того, как от его личности отслаиваются её важнейшие сегменты. Алкоголь и малодушие постепенно побеждают в нём всё остальное: от голливудского красавца, любимца концертных залов мало что остаётся. Эта тема, очень модная в шестидесятые-семидесятые (достаточно вспомнить «Серую мышь» Виля Липатова), потом несколько ушла из фокуса, уступив место показу пороков человека не как его страданий, а чуть ли не как добродетелей. Гржибовская возвращается к традиции гуманистического реализма и показывает мельчайшие детали человеческой катастрофы. Написано это мастерски, без излишнего нажима: «Просыпался в холодном поту, разбитый, часов около одиннадцати утра. Пытался прийти в се-

бя, стоя под горячим душем, потом разводил кофе, курил сигарету. Наблюдал из окна, как спешат озабоченные пешеходы и лихачат автомобилисты».

Гржибовская очень грамотно расставляет вокруг Кречетова других персонажей: и его друга детства и одноклассника по музыкальным учениям Лёню Беленького, и семью Ольшанских с талантливой юной пианисткой девочкой Алей, и его жену, холодную и расчётливую Юлю, и прежнюю его девушку Катю, и его профессора с говорящей фамилией Добрышев. Все они как планеты крутятся вокруг солнца и ничего не могут поделать с тем, что солнце постепенно гаснет.

Однако ближе к середине романа выясняется, что далеко не все хотят, чтобы это солнце светило. Жена Юля подаёт на развод, разочарованная неудачами мужа, и Беленький вовлекает его в тёмную стихию шаманской музыки, играющей на измененных инстинктах, но выгодной в финансовом плане. Да и сам Кречетов в этих условиях демонстрирует далеко не лучшие качества своей натуры. Автор беспощаден к герою. В каждой части, в каждой сцене описаны ситуации, с одной стороны, типичные, с другой – точно подстроенные под характеры героев. Дорогого стоит, как эмоционально, правдиво и совсем не книжно описана сцена неудавшегося соблазнения в поезде Кречетовым Веты, замужней женщины, матери его ученицы Али.

Гржибовскую интересует, как уживается в человеке чёрное и белое, из сюжетного романа постепенно вырастает пси-

психологический, где уже не так важны поступки персонажей, как причины, побуждавшие их совершать.

Постепенно в жизни Кречетова всё становится подменным. Понятно, какой здесь зашифрован смысл: предав классику ради музыкального шаманства, он теперь живёт в чередке предательств. Он не находит в себе достаточно любви, заменяет её ловеласничеством, и это разрушает его. Так, отношения с Ксюшей, его студенткой, которые могли стать целительным союзом, заканчиваются скандалом.

Автор умело погружает читателя в плотное марево жизненных перипетий. Ожидание развязки становится почти таким же напряжённым, как в остросюжетной литературе. Читая роман, вы почувствуете это напряжение на себе. Гржибовская создала таких живых героев, так ловко и органично соединила в них добродетели и недостатки, что поневоле сочувствуешь им, как своим знакомым.

Не буду развязывать все сюжетные и несюжетные узлы. Это вы сделаете сами, прочитав книгу. Скажу лишь одно: Влад Кречетов всё-таки выбрался из липкой паутины пошлости и мещанства, но выбрался самым неожиданным образом.

Роман Гржибовской сочетает в себе черты остросюжетной беллетристики, психологического романа и мелодрамы. Синтез жанров получается выдающимся, он делает роман объёмным и притягательным для тех, кто воспринимает литературу как глубокое погружение в смыслы.

Максим Замиев

Прелюдия

Музыка... глубоко проникает в... сознание и легко меняет нравы и обычаи...

Сюнь-Цзы

Музыка заставляет... забывать себя... под влиянием музыки кажется, что... чувствую то... чего не чувствую, что... понимаю то, чего не понимаю, что могу то, чего не могу.

...Музыка так страшно, так ужасно иногда действует... Разве можно допустить, чтобы всякий, кто хочет, гипнотизировал бы один другого или многих и потом делал с ними что хочет.

Лев Толстой, «Крейцера соната»

На скамейке лежал человек. В самом центре Москвы, на Тверском бульваре. Был предрассветный час июньского утра начала «нулевых».

Дворник Кирилл неторопливо подметал дорожки, поглядывая на лежащего. Когда он доковылял до скамейки и наклонился к незнакомцу – обнаружил, что это молодой мужчина. До подбородка тот был укрыт светлым плащом. Под русой головой лежал чёрный кожаный портфель, под щекой – сложенные ладошки: так укладывают детей в тихий час в детском саду. Мужчина спал и ворочался во сне. При этом на его лице возникало болезненное выражение: узкое про-

странство деревянной скамейки не позволяло бедняге пристроиться поудобнее. Он вздыхал, сомкнутые веки с белёсыми ресницами нервно подрагивали – сон был беспокойный.

Рядом с лавочкой валялась раскрытая газета. На развороте крупным шрифтом выделялся заголовок статьи. Кирим, запинаясь, прочитал: «Музыка может управлять людьми». В недоумении поднял газету, повертел в руках. Постоял в нерешительности – бросить газету в мешок с мусором или оставить на чемодане, тут же возле скамейки.

Из-под плаща высунулась нога в чёрном носке и джинсовой штанине. Кирим покачал головой: надо же, разулся, культурный, значит. Тут только он заметил чёрные кожаные туфли с удлинёнными носами, засунутые глубоко под скамейку. Кирим ещё раз окинул взглядом незнакомца. Непохоже, что пьяница какой-то или бомж. Спящий плотнее натянул плащ и свернулся калачиком на манер его внука, как большой ребёнок. А скамейка жёсткая. Кирим знает. Самому не раз приходилось на лавке ночевать. Потом месяц рёбра ноют. Дворник положил газету на чемодан. И тут взгляд его привлекла фотография седого мужчины с печальными глазами и аккуратной бородкой на первой странице. «Чай-ковский», – по слогам прочитал Кирим и удовлетворённо крикнул. Знакомая фамилия. Вчера по телевизору в новостях говорили про него, что музыку любил больше всего на свете и даже сам сочинял. Достойный человек, значит. Кирим тоже музыку любит и подобрать умеет песню на гиджаке. Только

сейчас ему надо деньги зарабатывать, а то дома кушать нечего будет. А музыка – это хорошо. Она жить помогает.

Так, разговаривая с самим собой и перебивая себя же народными мотивами «Чину-чина» и «Бухороча», Кирилл не спеша подчищал дорожки Тверского бульвара. До открытия метро оставалось полчаса. И тогда хлынет народ.

* * *

В то время, когда первые пассажиры заспешили по эскалаторам столичной подземки, в доме на тихой улице центра старой Москвы прозвенел звонок. Нет, не радостная трель будильника от «Первого часового завода» и не победная – от завода «Слава». Подобные простачки не прижились бы у продвинутой хозяйки элитной квартиры с «евроремонтом». Здесь всё согласно её вкусу – дорого и гламурно. Юлия открыла глаза и нажала изящным пальчиком кнопку навороченного мобильного. Назойливая мелодия оборвалась. Телефон подмигнул хозяйке сонным зелёным глазом и погрузился в дремоту. Так рано хозяйке не звонят. Разве что разбушевавшийся вчера супруг? Интересно, где он ночевал? Ведь ему сегодня играть на очередном туре музыкального конкурса.

Юлия тоскливо поглядела в натяжной потолок, вспоминая вчерашний вечер. Невидимый обруч давил на виски и затылок. Молодая женщина сидела неподвижно, приняв «по-

зу лотоса» и обхватив красивыми руками голову. Тупо рассматривала чёрный лак на ногах и думала о том, что хвалёная педикюрша так и не избавила её от мозоли на мизинце. В чём сегодня идти на заключительные слушания конкурса в консерваторию? И всё эти проклятые босоножки. Влад привёз их из Техаса, как раз ко дню её рождения, со стразами Сваровски, как она хотела. Но это же мужчина! Он даже не подумал, что размеры обуви там и здесь – не одно и то же. Стоило раз наведаться в них в ресторан, и нога растёрта до крови. Теперь эти туфельки для Золушки превратились в «испанский сапожок».

Так, впрочем, и супружество с Владом. Не хочется даже думать об этом. Юлия сползла с шёлковой простыни, набросила лёгкий халатик, отыскала под кроватью атласные тапочки. «Юлия!» – беззвучно поприветствовали они хозяйку вышитыми буквами, и она направилась в ванную. Свет, отражённый от итальянской плитки, слепил глаза. Красотка попыталась прогнать сон холодной водой. Посмотрела на себя в зеркало: опять синие круги под глазами. Конечно, такой вечер, как вчера, не может не оставить синяков. Зеркало укоризненно блеснуло серебристой надписью по овальному краю: «Юлия!»

Она начала раздражаться. А ведь эти мелочи всегда поднимали ей настроение: «Всё для тебя! Ты этого достойна!» После вчерашнего вечера даже любимые предметы не радуют. Не надо было спешить, пожила бы у мамы в особняке в

Канаде, отдохнула бы после утомительных концертов. А она неслась, как дура, на его зов: «Юлечка, ты мой талисман! С тобой мне никакие конкуренты не страшны. Гран-при будет моим, вот увидишь!» Правильно мама говорит: надо думать о себе. Юлия поплелась на кухню – заварить кофе, выкурить сигарету. Глядишь, жизнь станет веселее.

* * *

Одновременно с хозяйкой квартиры в центре Москвы начал свой день нездорово располневший дачник. Обитателя большого старого деревянного дома в престижном Подмосковье дела заставили встать в непривычно раннее время.

В китайских шлёпанцах, старом махровом халате он прошествовал во двор, там умылся под алюминиевым ручком над проржавевшей эмалированной раковиной. Затем неторопливо пересёк двор, заросший одуванчиками и цветущим клевером, повисел на перекладине между двумя дубовыми столбами, врытыми ещё дедом. Потом пружинисто приземлился и уже почти с азартом пнул лежавший в траве футбольный мяч. И направился на кухню. Растворимый кофе в кружку – на скорую руку, кипяток из электрического чайника.

Подхватив кружку, вышел на крыльцо, сел на ступеньки, закурил сигарету. И стал наблюдать за игрой солнечных лучей на стволах сосен за забором. Так играют лучи софитов

на площадках музыкального шоу-бизнеса, будоража и провоцируя выброс адреналина.

Несколько минут сидел расслабленно, подставив солнцу лицо. Прикрыв глаза, слушал, как шепчутся деревья и перебивают друг друга бойкими трелями птицы. Зелёно-красные орнаменты и расплывающиеся радужные пятна пульсировали и уносились в чёрный космос под закрытыми веками – фантомы яркого солнца и контрастной зелени. Всё это, если хорошенько подумать, пригодится на будущее – и птички, и фантомы. Но сейчас дела поважнее.

Дачник затушил окурок в консервной банке тут же на ступеньках. Потом с трудом, но решительно поднялся. На ходу допивая остывший кофе, зашёл в дом. Через несколько минут вновь появился на покосившемся крыльце. Теперь уже в светлом льняном костюме, индивидуальный крой которого скрадывал полноту. Длинные тёмные волосы эффектно развевались под тёплым ветерком.

Отперев дверь старого сарая, оборудованного под комфортабельный гараж, дородный господин сел за руль белой шикарной иномарки и выехал к дощатым воротам участка. Вышел, проверил и запер все двери и, удовлетворённо взглянув на старый дом за облезлым штакетником, поехал просёлочной дорогой к шоссе на Москву. Надо было спешить, чтобы не оказаться в пробке.

Настала очередь второй сигареты. Закурив, владелец крутой тачки набрал номер на мобильнике:

– Тимыч, привет! Ну, вы там как, собрались? Кофе пьёте? Понятно. Я? В дороге. Угу. Нет, пока свободно. Да рано ж ещё, на часы погляди. В десять. Не знаю, у меня нет программы. Ладно. Может быть. Пока. Привет Танюше.

Танюша, допивая на ходу кофе, бросала указания няне: как подогреть Даше детское питание и чем кормить Петю, когда проснётся. Она носилась в модных брюках по квартире, пытаясь отыскать свою косметичку. Конечно, опять Петя копался в сумке и куда-то её утащил. Ему губная помада – вместо карандаша! Ну, точно, вот они, палочки-крючочки на листке бумаги, а вот пустой тюбик от «Буржуа».

– Тань, тебе привет от Лёнечки. Он уже в дороге. А мы всё собираемся. Ты ещё даже не одета.

– От Лёнечки? Он что, тоже там будет? – Таня натянула ажурный топ и выхватила из шкафа лёгкий пиджак: день обещают жаркий, но погода в Москве так переменчива.

– Ну да. Ему Кречетов позарез нужен. А если не Кречетов, то хотя бы тень Кречетова. Короче, сейчас не до этого. Сейчас надо Владика всю дорогу ругать.

* * *

В это же время к Павелецкому вокзалу шёл фирменный поезд Светловодск – Москва. До прибытия оставалось около часа. В стаканах тонкого стекла позвякивали ложки.

На подстаканниках рельефно вырисовывался выпуклый вензель «ЮВЖД»: Юго-Восточная железная дорога.

Девочка Аля ждала, пока чай остынет. Зимой ей исполнилось двенадцать лет. Хорошо сложенная, с прямым взглядом карих тёплых глаз, с роскошной тёмной косой, Аля была ребёнком беспроблемным для всех, кто имел с ней дело. Кроме разве что учительницы по математике. Ту всегда выводило из себя, что контрольные Аля решала быстрее всех, а оставшееся время выстукивала на столе только ей понятные музыкальные ритмы.

Окружающий мир был для Али прост. Она всему происходящему по наитию находила объяснение. Её жизнь, сколько она себя помнила, выстраивалась вокруг музыки. Это было так же естественно, как дышать, двигаться, любить родителей. Сейчас они ехали на знаменитый конкурс пианистов. Аля вырастет и обязательно сама будет играть на таком же.

Вета, её мама, освобождала бутерброды из салфеточных обёрток и раскладывала по четырём углам столика, каждый на отдельную салфетку. Она относилась к тому типу женщин, про которых говорят «вечная девчонка». Лёгкая фигурка, задорный блеск глаз, мелодичный звонкий голос. Вете помогал её супруг, папа Али – Михаил. Добродушный, с умными глазами и надёжностью в осанке.

Четвёртым в купе был Шахов, старый интеллигент, директор светловодской музыкальной школы для одарённых детей, где училась Аля. Пока Шахов умывался, Михаил, поль-

зуюсь моментом, собрал в кучу постельное бельё, освобождая посадочные места за столиком.

– Столица встречает нас хорошей погодой! День будет тёплым, если не жарким! – Шахов возник в проёме купе, перегородив его донкихотским ростом. – О, да у нас есть чем поживиться!

Он присел поближе к столику (пригибаясь, чтобы не стукнуться головой о верхнюю полку), потёр руки в предвкушении завтрака. Настроение у директора было приподнятое. Наконец ему удалось вырваться из круга бесконечных дел, и как вовремя! Сегодня у пианистов финал. Он-то знает, что это такое, ведь в его молодости тоже был конкурс Чайковского, только играл он на скрипке. Давно это было. Среди учеников его школы тоже есть лауреаты конкурсов. Теперь эта девочка появилась, с талантом особенным, некрикливым, такая сама вряд ли пробьётся. Надо ей учителя сосватать в столице: глядишь, найдётся кто-то среди пианистов, кто заинтересуется.

Аля оторвалась от медитирования над подстаканником:

– Доброе утро, Владимир Данилович! Как вы быстро! Там что, даже очереди нет? Мне вот всегда везёт на очередь.

Вета переставила чашку ближе к Шахову:

– Владимир Данилович, ваш кофе.

– Спасибо, дорогая Виолетта Сергеевна, – Шахов кивнул в знак благодарности, взял чашку и посмотрел на Алю:

– Аля, я пью, чтобы на твоём жизненном пути всегда был

зелёный свет и никаких очередей! – он шутливо чокнулся чашкой со стаканом Михаила. Тонкое стекло стакана не выдержало удара, стакан дал трещину, капли чая расплылись по салфетке.

– Это на счастье! – нашёлся Шахов. – Простите, Михаил, оставил вас без чая. Сейчас мы это исправим, – он попытался выбраться из-за стола, но Михаил остановил его:

– Не беспокойтесь! Я сам всё устрою да заодно отнесу постель.

За окном уже пробегали микрорайоны столицы.

Глава 1. Провал

Вета влетела в фойе Большого зала консерватории; перепрыгивая через ступеньки лестницы, взбежала наверх. Конечно, если пустят, то разве что на балкон. Она вспомнила, как, когда Миша учился в ординатуре, они с ещё не родившейся Алей ныряли сюда на концерты по абонементу. Хорошие были времена. Может, поэтому Альку так тянет к музыке.

– Дамочка, дамочка! Вы куда? – очкастая зрительница возникла неожиданно, будто из тех дальних времён. – Подождите, пока музыкант доиграет, немного осталось.

Блюстительница порядка решительно перегородила вход на балкон. Вета не обиделась. Сама виновата, опоздала, – не надо было в парикмахерскую заходить. Всё равно от причёски ничего не осталось – неслась как угорелая. Теперь вот и Мишу с Алей – где искать? Где-то ж ещё и Шахов должен быть... Вета прислушалась: кто-то шпарил финал Первого концерта Чайковского.

– Это тот играет, кто на первую премию идёт? – раздосадованно спросила она: неужели пропустила главного претендента?

– Нет, что вы! Это девушка из Японии, вот, посмотрите, – дежурная раскрыла перед посетительницей программу слушаний. – Вы про Кречетова спрашиваете? – она понимающе

посмотрела поверх очков и улыбнулась. – Он как раз следующий.

За дверями балкона убедительно прозвучали финальные аккорды. Под аплодисменты публики Вета скользнула в темноту зала и искала глазами свободное место. Задевая чьи-то коленки, извиняясь направо и налево, пробралась и села. Вгляделась в сумрак партера, пытаясь отыскать Алю и Мишу. Но тут голос ведущего объявил: «Владислав Кречетов. Россия». «Ладно, в перерыве найду», – успокоила себя она. И переключилась на сцену. Всё-таки она успела – о фаворите этого конкурса столько говорят и пишут!

Конкурсант шёл через сцену к роялю спокойно и уверенно. Вета с любопытством его рассматривала. Интересный! Высокий, волосы русые... Костюм что надо, сидит на стройной фигуре артиста безупречно... «Бабочка»... белая... «Да ещё с перламутровым отливом, гляди ж ты... – всматривалась Вета в подробности. – Подбородок, правда, мелковат, признак слабой воли, говорят... Да ладно, это уже частности. Лет ему... тридцатник точно есть, а может, и больше. И выглядит каким-то уставшим».

Пианист поприветствовал дирижёра и первую скрипку, секунду постоял возле рояля, выпрямившись во весь рост, будто для того, чтобы дать рассмотреть себя получше, а может, чтобы освоиться на сцене. Поклонился, глядя в последние ряды и на балкон с блуждающей полуулыбкой. Вете даже показалось, что смотрит он прямо на неё, и она неволь-

но смутилась, но тут же удивилась собственной глупости. Пианист не спеша развернулся к роялю, подкрутил ножки банкетки до нужной высоты, удобно устроился. Достал из бокового кармана пиджака большой белый носовой платок, встряхнул – так поступает фокусник, прежде чем обнаружить плоды чародейства, – протёр широким движением клавиши, потом руки и, скомкав, как листок бумаги, положил слева от себя на рояль. Кивнул дирижёру. Дирижёр отвесил лёгкий поклон публике, повернулся к оркестру и взмахнул палочкой.

Солист сидел отрешённо за роялем, словно не было зала, наполненного публикой, не было оркестра – только льющаяся откуда-то с высоты музыка вступления. В какой-то момент он уловил нужную струю, коротким взмахом поднял руки над клавиатурой и точным движением опустил на клавиши. Будто вспыхнула молния – прозвучал первый аккорд Первого концерта Чайковского. От пианиста в зал хлынули потоки энергии. Колкие мурашки забегали по рукам Веты. Улыбка и грусть сменялись на её лице...

В зале царила напряжённая тишина. Поклонники Кречетова готовились торжествовать победу: всё шло блестяще, как и следовало ожидать. Профессионализм пианиста безупречен. Оппоненты изводились завистью – придраться не к чему. Этот конкурсант – бог за роялем. Кажется, для него нет трудностей в исполнении, словно он с роялем родился. Может быть, так играл гениальный Лист.

Вета, увлѣкшись, не замечала ничего вокруг. Между тем за ней наблюдали. Если бы она оглянулась, то увидела бы колоритного брюнета лет тридцати с небольшим, в модном льняном костюме. Габаритами он напоминал популярного некогда певца Демиса Руссоса. Его тщательно уложенные волосы, ухоженное лицо и руки наводили на мысль о нетрадиционной ориентации. Это Лёничка, Леонид Беленький, Лёничка – друг детства и сокурсник Владислава Кречетова по консерватории. Лёничка не относился ни к поклонникам, ни к оппозиции. Здесь были свои интересы. Ему надо было отловить Влада, чтобы сделать тому предложение. Не то, о котором вы сейчас подумали, а деловое.

Беленький не видел Кречетова почти десять лет. Тот, как слинял от армии после второго курса, так словно сквозь землю провалился. Говорят, выиграл грант и учился в Кливленде. Говорят, взял все мыслимые и немыслимые премии на конкурсах в Европе и Америке. Говорят, в деньгах купается. И жена у него из звѣздного семейства. Какие же черти его сюда принесли? Наслаждался бы дальше успешностью. Не всем такое выпадает. Только гад он, потому что бросил Катку Латышеву, скрипачку с их курса. Все знали, какая у них любовь. И вдруг – на тебе. Исчез и не оставил никаких координат. Теперь этот зазнайка здесь, а ему, Лёне, даже не позвонил, будто номера не знает. Конечно, смотри, какой крутой, костюмчик от Версаче. А играет!.. играет вообще как сам дьявол!

Такие или приблизительно такие мысли вертелись в голове Беленького, пока он на балконе ждал, когда Кречетов отыграет свой концерт. Без дураков, рядом с Владом на этом конкурсе поставить некого. Вон он что вытворяет!

Лёничка рассматривал присутствующих в зале. Отсюда, с высоты, он определял знакомых по затылкам. Таковых было много. Вся консерваторская братия. Самые ушлые с их курса за границу махнули, осели там. Другие здесь к профессорам приткнулись – до седых волос будут в ассистентах тухнуть. Профессора из консы – так они между собой называли консерваторию – на заслуженный отдых не уходят, только напрямиком в могилу. Вот тогда вакансия освобождается.

Беленький увидел до боли знакомый затылок Тимоши – Тимофея Ипполитова. Детский такой, пушистый затылочек. Леонид ещё в школе на этот затылок нагляделся – Тимофей впереди сидел. Он всегда хороший мальчик был, уважительный. Профессорша в консерватории ему благоволила. Тимоше повезло, он быстро продвинулся на должность доцента. Ему семью кормить надо. Танька – вон она рядом, с короткой стрижкой, как пятнадцать лет назад. Тимохе недавно дочку родила. А ещё пацан у них под стол ходит. Всё по конкурсам разъезжали, теперь навёрстывают упущенное. И не надоели друг другу! Вот тебе школьная любовь.

Лёничка продолжил своё «путешествие» по зрительному залу – перебежал глазами на витиеватую причёску. «Ах ты, чёрт!» Стерва, которая снится ему в ночных кошмарах! Со-

вратительница невинных мальчиков. Никто-никто не знает об этом, кроме самих мальчиков. Он с удушающей тоской и накатывающей от неприятных воспоминаний тошнотой перевёл взгляд на членов жюри и нашёл маленькую фигурку с седым лысоватым затылком. Профессор Добрышев. Их с Владом общий преподаватель. Классный, неподражаемый пианист. Хороший человек. Редкость для сегодняшней консы. Да, не надо, чтобы он узнал, чем его ученик Леонид Беленький деньги зарабатывает. Расстроится, а то ещё, не дай бог, переволнуется да сыграет в ящик – это ж старая гвардия. Преданность делу и прочее. Классическая музыка для него царь и бог. Святое, короче. Он просто не поверил бы, что пианист, его ученик, способен на такое. Лёня вновь переключился на соседку слева в переднем ряду. Милая особа. Ишь, как её Кречетов очаровал! Сидит, не шелохнётся. Глаз с Владика не сводит. Ещё бы! Он того стоит, чтоб на него любоваться. Лёничка испытал гордость за свою сметливость: не зря пришёл, ведь ему нужен именно Владик. Чтоб вот так очаровывал, только чтобы его, беленьковскую, публику.

Последние отголоски второй части концерта растворились где-то в глубине сцены. Прошелестели по залу вздохи умиления, кашель завистливой досады, пробежались по рядам шепотки на цыпочках, прошуршало бумагами жюри. Цунами третьей части концерта обрушилось и подхватило сидящих в зале. Не утонуть было невозможно: напор мятущихся чувств великого композитора вовлёк слушателей в ги-

гантскую вселенскую воронку. Поток музыки затопил зал и бился в стены, как невидимые морские волны. Кружилась в феерическом водовороте музыкальных гармоний Аля, уцепившись за рукав папиной джинсовой рубашки. Гигантское течение чувств подхватило и унесло из реальности романтического Михаила. Где-то у берегов своей молодости переживал волнение директор Шахов. Песчинкой в вихре звуков ощущала себя Вета. И только Леонид Беленький с пика недосягаемости отстранённо наблюдал за происходящим в зале.

И вот, когда волшебство гармоний и мастерство таланта пианиста близки были к точке апогея, произошло Что-то. Это Что-то было невидимым и страшным. Таким страшным, что тишина в зале вдруг стала мёртвой, как в склепе, тяжёлой и душной. Онемение сковало и поклонников Кречетова, и оппонентов, отчего картина в зале напомнила Лёночке момент детской игры «Море волнуется раз, море волнуется два», когда на счёт «три» играющие превращаются в каменные изваяния. Позы бывают до того нелепы – обхохочешься. Так и сейчас: зал представлял собой музейное собрание истуканов. Странно смотреть: как по команде слушатели открыли рты и выпучили глаза, – ну точно человекообразные рыбы.

Внезапность произошедшего парализовала зал на несколько секунд. Потом отпустило. Сквозь возникший хаос перешёптываний, ахов и покашливаний пробивались возгласы: «Ах, как жалко, как жалко!» Мужчины чесали подбо-

родки, женщины прикладывали платочки к глазам. Какие-то молодые люди торопливо покидали зал, на ходу включая мобильники. Профессор Добрышев покачивал головой из стороны в сторону, как китайский болванчик-будда слоновой кости из Лёниного детства. Тимычева Танька заламывала руки. Тимофей успокаивал её, поглаживая по плечу. Милая особа, прихлопнув невольный вскрик ладошкой, так и сидела не шелохнувшись, как припечатанная. Не находил, да и не мог найти Леонид жену Влада, потому что понятия не имел, как она выглядит, эта звёздная жена, но мысль о ней в его голове всё-таки промелькнула: ей-то всё это как? Не она ли – та девушка? Вскочила как ошпаренная с первого ряда. Несётся к выходу. Каблучища стучат, как набат. Не то рыдает она, не то хохочет в истерике?

Пока вёл наблюдения ироничный Лёнечка, Аля дёргала папу и задавала в пятнадцатый раз один и тот же вопрос, как заводная говорящая кукла: «Что с ним, папа?! Что с ним?!» Михаил откинулся на спинку кресла, сцепил пальцы в замок и просто ждал финала, поскольку изменить уже ничего было нельзя. Точно так же думал и Леонид, и все-все в зале. Только Лёня не убивался, как половина присутствующих, и не злорадствовал, как другая половина. Он радовался, тихо и светло: теперь у него, кого ещё никто не знал как композитора-экспериментатора Беленького, всё будет лучше прежнего. В отличие от Михаила, он не стал ждать формального финала, а просочился через двери балкона в фойе и спустился к

выходу. Ему были известны повадки друга: в поражении ему не мил белый свет, и сейчас тот постарается исчезнуть. Вот тут он и подкараулит свою добычу.

Теперь, когда охотник притаился на перехвате, самое время ответить на вопрос: что с ним, с абсолютным претендентом на главную премию? Что случилось, от чего всех свело в конвульсиях?

В тот момент, когда гармонии музыки и мастерство таланта исполнителя сошлись в зените и чаемый триумф уже подмигнул пианисту по-свойски с вождя Олимпа, в сознании Кречетова произошло короткое замыкание. Мгновенная вспышка разорвала цепь музыкальных образов, и звуковое полотно третьей части концерта стало расплываться на странные звукосочетания. Кречетов почувствовал, что вылетел из пилотского кресла и несётся вне корабля в заполненной звуками Вселенной. Похожие ощущения мог бы испытывать машинист в рубке скоростного экспресса, сошедшего с рельсов, – он летит в никуда, подчиняясь силе инерции. Кречетов видел руки, скользившие по роялю, но чьи это руки?! Они играли совсем не то, что играл оркестр и что слышал Кречетов внутри себя. Пальцы не подчинялись ему, он их никак не ощущал, хотя не могли быть ничьими, кроме его собственных. Как во сне, он видел эти руки, которые отделились от тела и продолжали играть что-то своё, а его сознание плыло в пространстве, словно в замедленной съёмке, не имея над руками и телом власти.

Зал же наполняли неприятные, чуждые созвучия, царапающие слух искушённых ценителей, знающих Первый концерт Чайковского до последней ноты. Странные звуки сыпались из-под пальцев пианиста, сбивались в комки грязи и безжалостно портили прозрачную ткань гениального сочинения. Слушатели оглядывались на соседей, желая убедиться, что это только почудилось. Увы! Лица соседей тоже были искажены гримасой. Спустя несколько мгновений до всех окончательно дошло, что пианист играет не то, что написано в партитуре. Окончательно очнувшись от гипнотического сна солнечных гармоний, слушатели застыли, осознавая чудовищность происходящего.

Члены жюри, в свою очередь, услышали собственными ушами, что в заключительном разделе третьей части концерта конкурсант играет не тот текст. Солист вёл себя при этом более чем странно. Он вдохновенно близился к финалу как ни в чём не бывало! Но так только казалось. Просто Кречетов был великий артист. На самом деле, как только он очнулся от выверта сознания, мысль, прострелившая взбудораженный мозг, была: «Провал! Это – провал!» Вскипевшая злость на себя и на весь мир охватила его, но она же заставила его играть дальше – яростно и неудержимо, как стихия. «Я всё равно доиграю этот проклятый концерт!» – скрипел он зубами. И выбивал из рояля оглушительные аккорды финала, приговаривая: «Нате вам! Нате! Нате!!!» Когда-то очень давно его учили, что лучше оставить плохое впечатле-

ние, чем не оставить никакого. Надо же – совет пригодился! «Вот вам ещё!!!» – крушил рояль взбешённый артист. Через несколько минут всё было кончено. Рывком он сбросил руки с рояля и стремительно выбежал за кулисы. Шум аплодисментов смешался с пронзительным свистом. «Что ж! – огрызнулся Кречетов, сжимая кулаки. – Зато запомнят!»

Только за кулисами до него окончательно дошло, что произошло. Катастрофа, гибель всех надежд... Он на секунду остановился в нерешительности, не зная, куда себя деть. Какие-то люди бросились было ему навстречу, но вид его, наверное, их испугал, потому что они отступили, освобождая проход. Он не помнил, как очутился в каком-то тёмном углу за сценой, зато помнил, как методично бился головой о холодную бетонную стену. Будто это могло ему помочь. Как колотил по стене кулаками. Как хотел боли, много боли, много нестерпимой боли. Но боли не чувствовал. И осознание краха всей жизни разрывало его изнутри. «Провал!!! Позор! Ч-чёрт! Что это было?! Все планы! Всё к чёртовой матери!» Это конец, конец карьеры, конец всему, о чём он мечтал. Злость перемежалась с отчаянием, противная влага застила глаза. Он оглянулся: не наблюдает ли кто за ним? И, воспользовавшись тем, что все отвлеклись, слушая выступление очередного конкурсанта, устремился к лестнице, чтобы поскорее покинуть это злосчастное место. А там... Неважно что – верёвка или горсть таблеток...

Но не тут-то было.

– Господин Кречетов! Господин Кречетов! Можно вам задать несколько вопросов? – множество людей с видеокамерами и фотоаппаратами, перекрикивая и перебивая друг друга, хлынули на пианиста.

Наскакивал щупленький, с проплешинами на сухонькой голове морщинистый человечек с микрофоном в волосатой руке. Другой рукой он активно отталкивал напористую крашеную блондинку в джинсах в утяжку и лаковых туфлях на шпильках:

– Владислав! Вы только что попутали все карты жюри! Несколько вопросов к вам как экс-претенденту на первую премию! Скажите, что с вами случилось? Вы можете объяснить? Это так загадочно! Ведь на втором туре вы никому не оставили шансов! И вдруг!..

– Скажите, какой расклад вы видите теперь, когда вмешались потусторонние силы и вы сброшены с олимпа единственного претендента на высшую награду? – шепелявил долговязый шатен с проволочными кудрями, в очках с чёрной оправой и линзами, толстыми, как бутылочное доньшко. Он пришлёпывал толстыми губами, разбрызгивая слюну, и подсовывал видеокамеру прямо под нос Кречетову.

Кречетову хотелось плюнуть долговязому в морду и послать его подальше. Но... он натянул дежурную улыбку. Он должен быть в образе!

– Как с позиций российского музыканта, сделавшего карьеру за границей, вы можете оценить уровень престижа

конкурса Чайковского? Что вас, успешного за рубежом пианиста, лауреата солидных международных конкурсов, заставило принять участие в московском? Добиться признания властей? Испытать себя ещё раз? – седоволосая дама с ярким макияжем куклы Барби пробивалась сквозь толпу обступивших Кречетова плотным кольцом корреспондентов.

– Ваше поражение – ваша победа! Что вы намерены делать, господин Кречетов? Планируете ли вы взять реванш на следующем конкурсе?..

Момент, когда можно было исчезнуть, упущен.

Он в ловушке дотошных газетчиков и телевизионщиков. «Помирать – так с музыкой!» Пришлось удовлетворить любопытство журналистов.

На следующий день газеты новой России перебивали друг друга в подробностях несуразного происшествия, случившегося у пианистов на заключительном туре конкурса, открывшего миру Вэна Клайберна, Владимира Ашкенази, Барри Дугласа. Красной нитью через газетные статьи сквозила мысль: «мальчик», несомненно, был, имел предпосылки к открытию, как свидетельствуют очевидцы, но злой рок или ирония судьбы не позволили «мальчику» стать триумфом и гордостью конкурса Чайковского. Толковали и о самом конкурсе, о его пошатнувшемся престиже.

Оказалось, что и членам жюри конкурса пришлось не сладко: не давать же лауреатство за правильно сыгранные ноты? Яркое дарование Кречетова сделало его единственным

и бесспорным претендентом на высочайшую награду этого тяжелейшего музыкального соревнования – каторжного марфона. Но роковая случайность сыграла с ним злую шутку. По правилам он выбывает из списков не только кандидатов на Гран-при, но и лауреатов. И кому отдавать главную премию? Да просто некому! Уж если честно, кто-то играл чистенько, но без божьей искры, кто-то «мял мешки с картошкой», разбивая фортепиано силовыми приёмами, а кто-то утомлял своей правильной бездушной игрой нот, а не музыки, как утомляет бухгалтерский отчёт...

Известный корреспондент авторитетной газеты иронично замечал, что после развала Союза всё в этой стране шатко и неустойчиво. В частности, конкурс Чайковского, когда-то привлекавший блеском и пугавший сложностью, потускнел, как старый медный чайник, и превратился в арену музыкальных соревнований, чем-то схожих с гладиаторскими боями.

Влиятельный профессор из жюри конкурса посетовал в интервью, что в новой России замучились искать национальную идею, а почему бы не возвести в статус национальной гордости этот самый конкурс Чайковского? Почему бы нашему Президенту не взять его под свой личный патронаж? Вот бы и задали тон – и мировому сообществу, и молодому своему поколению. Разве это не то, что нужно сейчас нашему больному социуму? В продвинутых странах такое покровительство классической музыке – дело высшего престижа.

Другой, не менее уважаемый Маэстро поведал корреспон-

денту тайны влияния звуков на сознание людей:

– Музыка родилась одновременно с творением мира, – повторил он слова древних, – вселенная звучит. Но слух человека не улавливает небесных звучаний. Их воспроизводит музыка, в ней отражение космической гармонии. Те, кто наделён способностями улавливать её в потоке хаотичных звуков, владеют тайной музыкальных заклинаний. А заклинания эти обладают огромной силой.

Маэстро закончил интервью словами:

– Музыка может вылечить. Недаром фараоны создавали оркестры, чтобы поддерживать хорошее здоровье. А может и убить. Все слышали про казнь барабанной дробью. У классической музыки особенная власть – даже если человек не любит, но слушает её, коэффициент интеллектуальности, о котором так модно сейчас говорить, у него повышается.

Провал на конкурсе только разжѐг любопытство общественности к личности Кречетова. Его ответы в прессе на вопросы досужих корреспондентов потешили любопытных на славу.

«О конкурсах? Их в мире сейчас не перечесть. Поучаствовать в конкурсе стало обычным делом, всё равно что... в казино сходить. Понятно, в каком смысле: играть могут все, кто заплатил взносы. И конкурс Чайковского не исключение. Система оценок жюри – особый разговор. А личные договорѐнности членов жюри! В результате в финал проходят далеко не те, кого хотелось бы услышать. Что удивляет даже

самих членов жюри. Потому на Московский конкурс исполнители из Европы и Америки не стремятся. А молодые музыканты из Юго-Восточной Азии едут, потому что обучаются у наших профессоров – тех, что уехали из страны после распада Союза – и перенимают традиции русской школы».

«Вы спрашиваете про расклад. Знаю одно: после моего выхода из игры результаты конкурса не обойдутся без влияния фирм-производителей роялей. Поставщики роялей заинтересованы, чтобы концертирующие музыканты выбирали именно их марку. Понятно, что и здесь существуют свои правила и методы».

«Чем определяется престиж конкурса? Для исполнителя – удачной музыкальной карьерой. Конкурс Чайковского, как и конкурсы Вэна Клайберна, Королевы Елизаветы в Брюсселе и Шопеновский в Варшаве, – самые престижные в этом смысле в мире. Хотя мне давно уже кажется, что музыкальные конкурсы – как сделка с дьяволом, которую заключила классическая музыка со средствами массовой информации, чтобы избежать забвения. Классику оттесняют агрессивные музыкальные течения, которые могут оплачивать площадки для выступлений. Почему могут? Потому что их музыка – звучание раскрепощённых инстинктов, там заложен код: всё дозволено! Это нравится, за это готовы платить. Особенно если люди не знают альтернативы. Классическую музыку должно поддерживать государство, без неё мы потеряем то, что принято называть гармонично развитой личностью. Или

мы хотим быть цивилизацией дегенератов?»

«Поражение? Наверное, так было угодно Богу – дать мне ощутить горечь провала... Друзья считают меня „везунчиком“. Я всегда побеждал, шёл к победе и в этот раз. И вдруг!.. Я приехал, чтобы вернуться в Россию, быть признанным ею. За время моего отсутствия многое изменилось, кто-то забыл обо мне, кто-то вообще не знает. И вот этого признания не случилось».

«Да, за границу уезжают в поисках профессионального успеха, финансовой обеспеченности. Молодые ребята бегут от армии. Я тоже. Чтобы не вывернули руки, это да. А невозможность заниматься? Пианист должен работать за роялем по двенадцать часов в сутки, чтобы что-то сделать в музыке. Ты приносишь себя в жертву творческим достижениям. Жизнь проходит где-то рядом, а ты видишь только клавиши и ноты. Игра на рояле для пианиста подобна поиску нужных слов для поэта. Пианистов много? Пора отстреливать? Воздержусь от комментариев. Выскажу своё мнение: если не будет культуры пианизма, откуда взяться ярким исполнителям? Простой математический подсчёт. Гений рождается один на несколько тысяч. Реализовать себя может один из ста миллионов. По разным причинам. Сколько из них имеют отношение к музыке? Жалкий мизер. Так что полюбите пианистов».

Но газеты выйдут на другой день. А сегодня Кречетов,

отделавшись от настырных журналистов, наскоро переоделся в чёрные джинсы и рубашку, запихнул концертный костюм в чёрный чемодан на колёсиках и сбежал по лестнице, по красной ковровой дорожке, которую помнил ещё со студенчества. В фойе он протиснулся сквозь толпу обиженных меломанов, которым не хватило билетов на конкурсные прослушивания, и рванул к выходу из консерватории, чувствуя многочисленные обжигающие взгляды любопытных, устремлённые ему вслед. Дёрнул двери на выход, выскочил на крыльцо.

– Кречетов!..

От неожиданности он споткнулся. Голос друга детства прозвучал, как выстрел сигнальной ракеты, запущенной из далёкого прошлого.

– Лёнька! Да харэ прятаться, всё равно тебя узнал, ты где?! – Влад покрутился, оглядываясь по сторонам, и наконец увидел друга, который шёл ему навстречу от иномарки и улыбался во всю ширь румяного фейса, обнаруживая тридцать два фарфороподобных зуба, сверкавших белизной немецкой сантехники.

– Ах ты, чёрт! Вот ты какой! – вырвалось у Кречетова.

Лёня же незамедлительно сгрёб Влада в охапку огромными волосатыми ручищами. Кречетов застонал:

– Ну ты, блин, Кинг-Конг! Раздавишь!

– Да ты сам не хилый, я смотрю! Арнольд Шварценеггер, типа. Девки, небось, замучили! Наконец-то поймал я тебя,

пропащего! – Леонид отстранил Владислава и, держа обеими руками за плечи, рассматривал его демонстративно с ног до головы.

– Красавчик ты наш! – проговорил он игриво-нежно.

Но Кречетову было не до игр. Он беспокойно озирался:

– Ладно, Лёнь, мне пора, потом когда-нибудь поговорим, не то у меня настроение сейчас. Зарыться куда-нибудь, не видеть, не слышать никого. Побегу я, не хочу, чтобы Юлия меня нашла.

Он попытался обнять друга на прощанье, но наткнулся на его изумление:

– А что случилось?

Владислав обескураженно отшатнулся. Ему казалось, что нет на свете человека, который бы не знал сейчас о его провале.

– Ты что, не знаешь?! Не слышал?! Только подъехал? Я сразу не сообразил... – пианист поморщился, будто у него живот заболел, тоскливо посмотрел на вытекающие из дверей группки возбуждённо переговаривающихся людей. – Короче! Всё к чёртовой матери! Вся моя карьера к чёртовой матери. А сейчас я хочу скрыться!

И дёрнулся, порываясь уйти. Лёничка мягким окутывающим движением захватил Влада и потащил к машине.

– Ну уж нет! Я тебя так долго ждал! Поехали лучше ко мне на дачу, как в прежние времена! Придёшь в себя. У меня там хорошо – птички поют! Думаешь, дома тебя не найдут?

А так – отключишь мобильник, и отдыхай.

Секунду Кречетов думал. Объясняться он ни с кем не намерен: с Добрышевым потом поговорит, Юлия пусть его поищет, мама... пусть обижается. С решимостью оторваться от всех близких и обязательств он лихо закинул чемодан в багажник и уселся рядом с сияющим Беленьким на переднее сиденье иномарки.

– Поехали!

Глава 2. Гудвин от музыки

Нарядное авто скользило по запруженным разноцветными машинами, распалённым позднеиюньским закатным солнцем улицам Москвы. Лёничка с трудом удерживался от соблазна обойти по встрече ползущие впереди тачки.

– Только бы выбраться из центра, там будет легче, – он вытер вспотевший лоб тыльной стороной ладони, снизил температуру кондиционера. – Ты как, не боишься кондишена? В смысле, простудиться?

– Нормально, – успокоил его Кречетов. – Слушай, а ты неплохой ездок. Я и сам без машины как без рук. Всю Америку на автомобиле исколесил. Вот где дороги!

Владислав изучал изменившийся облик родного города через тонированные стёкла автомобиля.

– Москва стала бестолковая – народу! Машин! Хлама всякого повесили, аж домов не видно. Не реклама – убожество. Названия магазинов дурацкие! «Обжора», например! Я тут зоомагазин увидел, «Бетховен» называется. Чушь!

– Да, вредно народ за границу выпускать! – Лёня усмехнулся. – У народа портится настроение!

– Про настроение. Ты что, правда на слушаньях не был? Точно к моему выходу приехал? – Влад недоверчиво взглянул на приятеля.

– На балконе сидел, – не счёл нужным далее скрывать

правду Леонид. – Всё видел, всё слышал. Играл ты хорошо, без меня знаешь. Куда тебя понесло – не понял, – резко затормозил Беленький, избегая наезда на вынырнувшего неизвестно откуда байкера. – Хочешь знать, что думаю по этому поводу? Прими как неизбежное. Скинь и забудь.

Беленький с ветерком объехал чёрный «БМВ» и показал в зеркало язык.

– Вот так-то.

Влад молчал. Легко говорить Лёньке – он никогда не стремился к карьере концертирующего пианиста. Они учились вместе в музыкальной школе со второго класса и жили у соседних станций метро. Бабушка Влада всегда говорила, что Лёничка – единственный друг, который никогда не бросит. У Лёньки дед был крупный чин в МВД и, бывало, выручал и внука, и его друзей из не очень красивых подростковых историй. Надо признаться, тогда они часто хулиганили. Один раз напились пива и начали приставать к девушке на улице. Не знали! А она дочка посла республики Лихтенштейн. Пришлось играть концерт в посольстве и приносить извинения по протокольной форме.

Лёнька был любимчик семьи. Он родился, когда его родители надежду на детей потеряли. Мальчишек сближал футбол. Играли они на поле недалеко от дома Влада. Лёнька приезжал редко, потому что болел. Ангина его мучила. Ни мороженое поесть, ни газировки попить. Из-за своих болезней он два года учился в первом классе, а потом догонял друга

с домашними учителями.

– Ты чего притих, Кречетов? – машина свернула на объездную дорогу. – Сегодня у нас пятница? То-то не пробьёшься, народ прёт на уик-энд. Ну и чего молчишь?

– Ты мне скажи, Лёнька, что тебя так разнесло? И вправду как Кинг-Конг, я не ошибся... Ты ж худой был всегда и бледный, а тут! Я ж тебя только по голосу и узнал.

– Разнесло так разнесло! – эхом откликнулся Беленький. – Ты уехал, а я загремел в больницу, даже академический пришлось взять. Миокардит свалил. Гланды надо было вовремя вырезать, а предки тянули – полоскания, ингаляции... Дотянули!

– И что это за гадость? – поморщился Влад, разговоры о болезнях всегда наводили на него тоску.

– Миокардит? – переспросил со знанием дела Лёня. – Это воспаление сердечной сумки.

И, заметив удивление друга, усмехнулся:

– Да, вот такой я грамотный стал. Лечили меня, лечили, – и залечили. Хотя лучше, конечно, стало. Можешь представить, консу я с красным дипломом закончил. А это, – Лёня описал головой круг, давая понять, что речь идёт о его фигуре, – а это последствия. Одно лечим, другое – сам знаешь.

– Понятно. Я как раз вспомнил, как ты летом с шарфом на шее гулял, – улыбнулся Кречетов. – А как предки? – перевёл он разговор на другую тему. – Всё так же в типографии?

– Своё дело открыли. Фирму полиграфическую. Этикетки

печатают на заказ, – вздохнул Леонид. – Теперь жизнь такая: сам себе режиссёр. Знаешь, в девяностые госпредприятия прихлопнули, специалисты стали никому не нужны, образование вроде как тоже ни к чему!.. Народ в культурном смысле сполз ниже плинтуса, нормальной речи не услышишь. Законы шакальи стали править: кто кого. А кто капиталец сколотил и умотал за границу, оттуда верещит о распроданной России, – Беленький зло нажал на клаксон в ответ на резкое торможение жигулёнка перед светофором. – Вот, обрисовал я тебе обстановочку...

– Понятненько... – задумчиво протянул Кречетов. – А этот... рэнджровер... сам купил или отец отстегнул? – спросил он как бы между прочим.

– Хороший вопрос! Только давай доедем до дому, немножко осталось. Я кое-что тебе расскажу, – пообещал Беленький и повернул на просёлочную дорогу.

Остаток пути Кречетов думал о своём отце, которого видел последний раз перед отъездом в Америку в начале девяностых и больше никогда не увидит. Вспоминал ссоры родителей из-за малых отцовских заработков. А что он мог сделать, математик-теоретик? Страна развалилась и выпихнула на помойку цвет науки. Кто мог – уехал...

Кречетов-старший не мог. Он любил маму Влада, а та привыкла к щедрому покровительству своего отца – генерала КГБ. Сын помнит, как бесился на отца за покладистость и мягкость, как хотел, чтобы он хоть раз стукнул кулаком по

столу и остановил закидоны матери, генеральской дочери. Такие жесты были не в его натуре, да и стучать кулаком в квартире тестя было бы для него, интеллигента до мозга костей, чем-то совершенно невозможным. Сменить свою науку на бухгалтерские расчёты в частной лавочке с гвоздями или сигаретами для отца было немыслимо. А мать понесло – её всё не устраивало. Особенно неумение мужа приспособливаться. При этом свои привычки и повышенные запросы она менять не собиралась.

Собственно, из-за скандалов матери он ушёл из дома. Зачем людей унижать?! Как сейчас перед Владом картинка: приходит он с Катей, девушкой своей, однокурсницей-скрипачкой, домой. Хочет с родителями познакомиться. Это как раз в начале второго курса случилось. И что? Мать, не дав отцу даже поздороваться, накинулась на Влада: «Кого ты привёл? Ни звания, ни имени! Тебе карьеру надо делать, а она тебе детей нашлёпает, олух!» Этого Влад не стерпел. Развернулся и ушёл, несмотря на причитания выскочившей из кухни на шум бабушки и на оклик отца: «Сын, постой!» Больше до отъезда в Америку он у себя дома не жил. С отцом, дедом и бабушкой общался в отсутствие мамы. Не хотел её видеть.

Тогда он снял квартиру и зарабатывал на её оплату делами, далёкими от музыки, например фарцовкой. Продавал «левые» джинсы фирмы «Левис». А на рояле вкалывал ночами в консерватории. Хорошо, дежурный был знакомый бабушки. Зато это было счастливое время для них с Катей.

Пожалуй, самое счастливое для него. А потом... Потом ему пришлось уехать.

– Ну вот. Приехали. Выгружайся, – пропыхтел Лёничка, радостно вываливаясь из машины. – Тащи чемодан в свою комнату!

Владислав вылез из прохладного салона машины, вдохнул тёплый вечерний воздух, насыщенный ароматом хвои старых сосен, и очутился в мальчишеском детстве. Они с Лёнкой приезжали сюда прямо после уроков по субботам. Выпрыгнув из дедушкиной кагэбэшной чёрной «Волги», с ходу включались в игру. Благо футбольный мяч всегда ждал на газоне. На их азартные крики сбегались местные пацаны. Влад всегда был нападающим. О сонатах и этюдах вспоминать было некогда...

– Что ты там застрял? – Леонид показался на крыльце дома, оттащив чемодан. – Пошли поедим чего-нибудь.

В это время гость мыл руки под алюминиевым умывальником – всё под тем же, что полжизни назад! Хозяин дачи поставил машину в старый дедовский гараж, обшитый листами железа и покрытый шифером.

– Не боишься, что упрут твою красавицу? – спросил Владислав на пороге дома, кивнув на гараж.

– Да ладно! Это он с виду древний, а внутри сигнализация и всякие прибабасы, – отмахнулся Леонид.

– А собаки у тебя нет? Или кошки? – задал следующий вопрос Кречетов, окинув взглядом пустой двор. – И вообще,

ты что, один как перст? Неужели это продолжение той давней истории? Ну, с профессоршей... Могу я тебя спросить на правах друга детства?

Владислав с опаской глянул на друга, но того, на удивление, нисколько не смутила такая прямолинейность, он охотно отреагировал:

– Мучить тебя не буду, расскажу всё без утайки, а то ещё умрёшь от любопытства, а это не в моих интересах. Только прежде давай выпьем по чашечке коньячка.

В ответ Кречетов лишь озадаченно хмыкнул.

На кухне наследник дачи достал из дедовского буфета красного дерева гранёную бутылку коньяка и два коньячных бокала в форме тюльпанов. Бутылка была начатая. Он открутил пробку и разлил содержимое по бокалам, наполнив ровно на четверть.

– Иначе будет неважно, правильно ли мы выбрали форму бокала, – повторил ехидно Лёничка слова рекламы из какого-то гламурного журнала о коньячной посуде. Потом открыл холодильник и с гордостью выставил на стол глубокий салатник и тарелку, накрытую салфеткой:

– Вот селёdochка под шубой, сам делал! Сыр, пожалуйста...

Потом подплыл к плите, снял крышку со сковородки и... накрыл, будто вспомнил о чём-то очень важном.

– Слушай, я забыл переодеться, – виновато сказал он, – пойду-ка сниму эти ангельские одежды. Может, тебе тоже

дать что-нибудь на сменку? – предложил он гостю.

Тот отрицательно помотал головой:

– Тогда уж сразу в душ и спать. Устал я как чёрт. Я ведь сегодня ночевал на скамейке. Как бомж. Мне кажется, что всё, что сегодня было, – было не со мной.

– На скамейке?! – кустистые чёрные брови Лёни выскочили на лоб. – Ты меня убил, Кречетов. Ты – на скамейке?! Это из разряда невероятного! Может, объяснишь?

– Ты шёл переодеваться, – увернулся герой дня от неприятного вопроса и посмотрел в окно. Начинало темнеть.

Леонид вернулся через пять минут в шортах с оттопыренными карманами и ядовито-жёлтой футболке. Похожий на румяного колобка, довольный и неунывающий. Быстренько разложив по тарелкам аппетитную жареную картошку с яичницей из сковородки, Лёничка бухнулся на стул, взял изящным движением бокал и, пододвинув к Владу салатник с «шубой», сказал торжественно:

– Ну, брат, поехали, за встречу!

– За встречу, – Кречетов пригубил коньяк и поставил бокал на стол. – Знаешь, я стараюсь не увлекаться. Бокал вина, и то редко. Меня алкоголь выбивает из колеи, – он нахмурился. – Хотя что теперь беспокоиться? Поезд сошёл с рельсов, и машинист дисквалифицирован.

– Так уж дисквалифицирован, – принялся утешать школьного товарища Беленький. – Бывает. Не ты один провалил конкурс Чайковского. С тобой-то всё ясно. А сколько наших

скидывали после второго тура без объяснений! Тот же Король. Помнишь Лёшку Короля? Он, как ты, после второго курса с гастролей не вернулся, завис в Европе. На прошлом конкурсе только о нём и говорили: «демонический пианист с лицом ребёнка»! Играл так, что от аплодисментов штукатурка в зале с потолка обваливалась. И что? Его назвали вольнодумцем и отстранили от участия в конкурсе. Так что не убивайся. Тебя хоть по живому не резали. Расскажи лучше, какой чёрт тебя дёрнул приехать на «чайник»? На кой он тебе сдался? У тебя и так всё неплохо, верно? А «чайник» нынче – как проходной двор: играют все, кому не лень.

– Домой захотел, Лёнь, – удручённо проговорил Владислав. – Надоела чужая жизнь. Думал, отыграю в Чайковском, и «ноу проблем». Я ведь там побеждал, – Кречетов кивком головы указал на гипотетический Запад, – а думал об этом конкурсе. Хотел обозначиться в своей стране, устроить здесь свою жизнь. Теперь это невозможно: я упустил шанс стать лидером, упустил призовой ангажемент концертов, а это, сам знаешь, известность, востребованность, деньги – всё! Само собой, о повторении говорить не приходится, мне ведь тридцать третий пошёл. Это значит, я выброшен на обочину и буду влачить жалкое существование никому не известного пианиста Кречетова, презренного неудачника. Лузер, одним словом. Надо всё называть своими именами.

Лёня, видя, как приятель всё больше погружается в пучину надвигающейся депрессии, добавил коньяка в бокалы:

– И всё-таки давай выпьем. Для русского человека нет лучшего средства от плохого настроения. Вот увидишь, отляжет и станет легче. Сегодня тебе просто надо выпить!

Не прошло и получаса, как настроение Влада изменилось. Тиски гнетущего чувства позора и безысходности отпустили его, нахлынула острая жалость к самому себе.

– Вот чем встретила меня моя родина! – он размазывал кулаками пьяные слёзы, упиваясь жалостью к самому себе. – Я так скучал! Думал, она мне поможет, а я не нужен ей! Она устроила мне испытания!..

Расслабление длилось около часа, с театральными причитаниями и взываниями к справедливости, что бывает у творческих чутких натур, когда алкоголь ударяет в голову. Постепенно он успокоился и обмяк.

– Юлька! – всколыхнулся Владислав после непродолжительного молчания. – Юлька – это моя жена. Она стерва! – опрокинул он остатки коньяка в рот, со стуком поставил пустой бокал. – Вначале, когда мы познакомились, она мне понравилась. Потом я понял, что у неё уже кто-то есть, и решил, что это не мой вариант. Так она за мной сама бегала. Говорила, что влюбилась и жить без меня не может. А мне что? Я не против, раз так. Если честно, мне с ней везло. И в конкурсах, и на концертах. То ли так совпало. Отбоя от предложений не было, гонорары... У нас было всё: дом в пригороде, у каждого по машине, Юлька платяга второй раз не надевала: дарила подружкам. Каждый концерт или конкурс –

новое платье. Ну, там, косметика, массажи – это всё мелочи. Я на неё все заработки тратил. Хорошие деньги, между прочим! Да вот беда – всё ей мало! Мало! – Владислав побагровел. – Обедали мы только в ресторанах. Да там, – он кивнул предположительно в сторону Америки, – там все так: кафе, рестораны. Я вначале не мог привыкнуть. Не хватало борща, огурца солёного. Потом перестроился. Теперь вот жареную картошку кока-колой запиваю.

Владислав усмехнулся, потом продолжил:

– Да, может, ты Юльку помнишь: она в седьмом классе училась, когда мы в консу поступали. Тёмненькая такая. Её мать у нас камерный ансамбль вела. Она ещё в класс на переменах забегала. Потом её в Кливленд увезли доучиваться. А там я... Нас как-то в концерт вместе поставили. Ну а дальше всё само собой.

Кречетов сник и замолчал.

– Пошли покурим, – предложил Леонид, вылезая из-за стола, – а то засиделись. На звёзды посмотрим. Помнишь, как Туманность Андромеды искали?

Поздний вечер набросил на посёлок и близлежащий сосновый бор накидку непроглядной темноты. Друзья сидели на деревянном крыльце, впитавшем тепло ушедшего жаркого дня, и курили, выпуская замысловатые кольца дыма в недвижимый воздух.

– Ты Катьку-то не забыл? – наконец выбрал момент Лёня и затушил сигарету в металлической банке.

– Катю? – Влад тоже затушил окурок и помолчал. – Ей надо было замуж выходить, жизнь устраивать. Мне надо было бежать от армии. С собой взять я её не мог, потому что сам не знал, куда еду. Мне было всего ещё двадцать один, а ей – уже! Мне надо было встать на ноги! Быть первым! Это очень трудно. Мне было не до романов. А потом... потом я просто стал другим, от моей романтики остался только образ, в который я погружаюсь, когда играю Шопена или Рахманинова, – Владислав горько усмехнулся. – Нас развело время, пространство и... обстоятельства. Меня затащила новая жизнь. Катя, как и всё, осталась в другой жизни. Я не мог ей сообщить о себе, боялся её сумасбродства.

– Я так и знал, Кречетов, что ты гад. «Мне»! «Меня»! Везде на первом месте ты! – вспыхнул Леонид. – Эгоистом был, эгоистом и остался. А ты не подумал, что ты просто бросил её, без объяснений, как последний...

– Я думал, что так будет лучше, – Владислав поднялся со ступенек, и в темноте блеснул его отчуждённый взгляд. – Я не мог остаться. Я хотел что-то сделать в музыке.

– «Я»! «Я»! – передразнил Лёня. Потом помолчал и задумчиво произнёс, навалившись на перила крыльца: – Наверное, ты прав, эгоизм есть высшая степень производной таланта. На тебя он свалился. Никому из нас так не повезло. С нашего курса никому больше не удалось так продвинуться, как тебе. Даже Тимка не в счёт. Он всё равно делит себя между семьёй и музыкой. А для тебя музыка всегда на пер-

вом месте.

– Не знаю. Как получилось, так получилось. Ты что-то хотел мне рассказать? – напомнил Влад.

– А про Катю не хочешь спросить? – не сдавался Леонид.

– Ну, говори, раз уж начал.

– Катя теперь лицо японской фирмы. Музыкальных инструментов. Кстати, после «чайника». Хотя первую премию она там не получила. Гастролирует по Японии два раза в год. Её там обожают.

– Конечно, одни косы чего стоят, – Владислав открыл дверь в дом, задержался на пороге и ещё раз посмотрел на чистое, тёмного ультрамарина небо с вкраплениями мерцающих звёзд, бесстрастных и равнодушных.

Леонид стоял, развернувшись спиной к перилам и сложив руки на груди. Белки его выпуклых глаз сверкнули голубизной.

– А ещё, Кречетов, она моя жена.

Зависшую ватную тишину через секунду разорвал звонок телефона. Владислав не сразу сообразил, что сигналил его мобильник, «на автомате» двинулся в дом.

– Ну вот, говорил, выключи мобильник! Небось Юлечка соскучилась, – Лёня, ворча, последовал за Владом и с грохотом закрыл дверь на засов. Он давно мог поменять дверь на пуленепробиваемую бронированную и, соответственно, врезать замок какой-нибудь раскрученной итальянской фирмы, но ему нравилось искушать судьбу и быть уверенным в соб-

ственной неуязвимости. Дверь, искусно сделанная каким-то краснодеревщиком ещё до его рождения, была раритетом, и именно этим Лёначку вполне устраивала.

– Да, слушаю. Антон Сергеевич? Да. Здравствуйте. Нет, не поздно. У друга, – отвечал на вопросы Кречетов, присев на широкий подоконник. – Юля? Я ей позвоню. Получше. Нет, температуры нет. Не знаю. Мне надо прийти в себя. Понимаю, Антон Сергеевич. Спасибо, я подумаю. Когда позвонить? Хорошо. Спасибо, Антон Сергеевич. До свидания, – он нажал «отбой», засунул мобильник в карман брюк и пояснил:

– Добрышев беспокоится... Подвёл я его, конечно, капитально. Он думает, я заболел. Предлагает поработать с ним на мастер-классах. Терапия отчаяния, значит, раз концертов не предвидится. У меня ещё остались ангажементы в Латинской Америке года на два и во Франции. И это всё.

– Кстати, не хочешь Кате компанию составить? Она что-то говорила про концертмейстера, – бросил в тему Леонид.

– Ну да, – рассеянно проронил Владислав, – так где же Катя?

– Всё там же, в Японии. Работает над новой программой. Вернётся в конце августа.

– Понятно, – Влад сладко зевнул. – Так что ты хотел мне сказать? – его губы сложились в подобие улыбки. – Никак мы не дойдём до самого главного! И ещё... Беленький! Не знаю, как задать тебе этот вопрос... Ладно. Скажи, Катя... Она...

счастлива с тобой? Ведь, насколько помню, к женщинам ты был упорно безразличен с тех пор, как...

Лёня прошёлся по кухне, скрипя половицами, потом произнёс:

– У нас с Катей дружеский союз. Нас обоих это устраивает. Ну, ещё мы заключили брачный договор, чтоб не цапать-ся, если что. Прописали права и обязанности. Это удобно. Катька – она замечательная, свой парень. Так я её и воспринимаю. И она от меня большего не требует и ни о чём не спрашивает.

Кречетов помолчал, переваривая, потом сказал:

– Ну, что ж, очень рад за вас. Нашли друг друга, как говорится.

– С твоей помощью, Кречетов, – не преминул съязвить Беленький. – Катя... в общем, я её спас, она жить не хотела после вашей истории. Свет ей был не мил, и всё такое.

Леонид замолчал, потом вдруг неожиданно развернул тему разговора:

– Ты вот спросил меня про рэнджровер.

– Ну?

– Я купил его сам.

– Молодец! – Кречетову потребовалось несколько секунд, чтобы перестроиться. Наконец он вяло проговорил:

– Интересно, чем ты зарабатываешь? Прости, об этом не принято спрашивать, но ты сам начал.

– Музыкой, Кречетов, музыкой! Только не твоей нищен-

ской классикой. Моя музыка собирает стадионы. Народ хочет отрываться, и я предлагаю кайф.

Лёничка очередной раз обошёл вокруг стола, поглядывая на дружка. Тот не сводил с новоявленного композитора изумляющего взгляда.

– Замечательно. И что же это за музыка?

– Музыка для масс. Что-нибудь слышал о гранже, альтернативном мэталле, психоделическом трансе? Нью-метал? У тебя в Америке «Корны» сводили всех с ума. Неужели не слышал? А вот в Японии и у нас в мейнстриме фулл-он. А я создал свою, особенную, музыку, собрал в ней всё самое притягательное из музыкальных течений, и у меня пошло! Народ ломится и тащится.

Секунду длилась немая сцена.

– Вот это да! – с деланным восхищением воскликнул Кречетов. Он закинул ногу на ногу и покачал носком туфли. Одно дело – джазовые импровизации раскованного Лёнички в элитных ночных клубах, но чтобы музыка для масс!

– Вот это да! – повторил Влад.

– Ты думаешь, в этой стране можно прожить на зарплату пианиста? – встрепенулся Беленький. – Умоляю! Я тебя не зря спросил, зачем ты сюда припёрся. Знаешь, какие гонорары у нормального музыканта в нормальной провинциальной филармонии? Вот Тимофей, например, лауреат нехилых конкурсов, уже три года сидит без концертов в родной столице. Играл недавно не то в Курске, не то в Орле. Месяц вка-

львал, приклеенный к роялю, а получил кукушкины слёзки. Оханья и аханья вокруг рояля ушли в прошлое. Кто хочет слушать классику, у того денег нет, а у кого деньги есть, тот хочет балдеть и ни о чём не думать. Жизнь у нас такая, не до высоких материй.

– Круто! Значит, вот ваши нравы, а вот вам наша музыка! Жрите, не стесняйтесь! Так, Беленький?! Идёшь на поводу вкусов, значит, – вскинулся Кречетов. – А призвание пианиста...

– Пробуждать красивое, доброе, вечное, – закончил, патетично паясничая, Лёничка.

– Именно так, Беленький! – горячился Владислав. – Воспитывать музыкальный вкус...

Тирада праведника закончилась довольно быстро:

– Короче, что от меня-то надо?

– Моя музыка – классная вещь! – запальчиво заговорил новомодный творец. – Я ведь не с бухты-барухты её писал. Всё по науке! Ну, ты знаешь, музыку обычно пишут, вслушиваясь в себя. А я... Я построил музыку по математическим законам. Я вычислил воздействие звука на сознание. И теперь умею им управлять при помощи своей музыки. Ты помнишь, мы читали дневники твоего деда? Там было много непонятного – формулы, расчёты... Нам тогда это было неинтересно, потому что мы-то надеялись, что найдём там истории про шпионов, – он усмехнулся. – Единственное, что мне запала фраза – «акустическое оружие». И когда пришло

время – те записи всплыли у меня в памяти и подтолкнули к действию. Я изучил всё, что касается звука. Теперь могу звуком нагнать полную расслабуху, а могу довести до экстаза, и толпа в одном ритме будет колыхаться, как огромная медуза.

Лёня порозовел от охватившего его воодушевления, в глазах его загорелись демонические огоньки.

– А ты не зарываешься, Беленький? Какое вообще ты имеешь право... к-х-м, – поперхнулся Кречетов от негодования. – Дед не затем писал свои дневники, чтобы такие, как ты...

– Ты слишком правильный, Владик, это не в моде, – тон Лёнечки переключился на покровительственный. – Кому нужна твоя правильность? Ты вот дай людям, чего они хотят. А они тебе деньги заплатят. Моя музыка не похожа ни на какую другую и обладает... сверхъестественной силой. Что людям надо? Все хотят чего-то необычного, захватывающего. И я могу это предложить! Вот послушай! – Лёня взял с буфета смартфон, подсоединил тут же лежавшие наушники. – Послушай! Хотя это жалкий отголосок того, что можно почувствовать на живом концерте.

Владислав нехотя подчинился. Им двигало чистое любопытство. Однако то, что он услышал, на удивление, не вызвало у него отторжения. Он погрузился в мир звуков, не связанных, как привычно, общей тональностью или заданным ритмом. Это был блаженный звуковой хаос. Он затягивал в тёмную глубину звучанием отдельных, бесконечно длящихся

ся, не повторяющихся звуков. Звуки плавно перетекали один в другой, как если бы воду переливали из кувшина в кувшин разной формы, и сплетались в абстрактную звуковую картину.

Голова Кречетова превратилась в сферу, заполненную звуками, и всё тело пробирали лёгкие вибрации, вызывающие приятный озноб. Потом он ощутил таяние телесных оболочек и поплыл в окружении сталкивающихся звуков, как часть бесконечной звуковой галактики, в неведомое никуда. Но не успел до конца насладиться парением, как его захватила волна ритмов. Свернулась в спираль огромная галактика, и что-то изнутри заставило его встрепенуться. Он непроизвольно подскочил, стул с грохотом упал. Незъяснимый восторг переполнял его. Всё неприятное произошло будто не с ним и отодвинулось далеко-далеко.

Влад заметался по кухне во власти музыкальных ритмов, приговаривая: «Ну, Лёнька, сволочь, что вытворяет! Если, конечно, не спёр у кого-то хит, а выдаёт за свой. Высший класс!» Однако разделить эмоции с автором шедевра не удалось – в кухне он был один.

Через какое-то время пульсация ритмов стала красиво затухать, как пламя костра, когда в него перестают бросать ветки, и на смену им откуда-то издалека, исподволь, выползла мелодия, тонкая и извилистая, звенящая и зудящая, раздражающая. Казалось, она распускается гифами гриба по извилинам мозга, запутывает его причудливой сетью. Потянуло

в сон. Кречетов сел за стол и плеснул в бокал коньяку. Напиток мерцал золотистыми искрами. Его захватила игра переливающейся жидкости в бокале, а тело обрело необыкновенную лёгкость.

Всё вокруг поплыло, предметы меняли форму, двигались под разными углами, колыхались, как водоросли. Вырастали до огромных размеров, надвигаясь и пугая, и, наоборот, сжимались до пульсирующей точки, притягивая за собой. Цвета перетекали из жёлтого в фиолетовый и обратно по оттенкам радуги. А потом всё тонуло в бокале. В какой-то момент Кречетов явственно ощутил запах ванили, внезапно заполнивший кухню.

Приятно висеть в пространстве, не чувствуя тела, покачиваясь в такт поворотам струящейся мелодии в окружении ярких цветочных снов.

«Да, я сплю. И мне хорошо!» – промелькнуло в мозгу Владислава, и он провалился в темноту.

Когда проснулся, с трудом возвратился в реальность. За окнами ни зги не видно. Он сидит за столом, на котором разбросана в беспорядке посуда с остатками еды и бокалы, один пустой, другой с недопитым коньяком. Напротив Лёня с аппетитом доедает яичницу.

– Я вырубился, даже запись до конца не дослушал. Зато сон приснился, чистый абстракционизм. Долго я спал?

– Ровно столько, сколько длилась запись. И не сон это был, а... что-то вроде гипноза. Ну и... как ощущения?

Леонид надулся от распиравшей его гордости.

– Улётно! – сознался слегка ошалевший от «эксперимента» Влад. – Даже не представляю, как тебе это удалось. Ты... Гудвин от музыки. Ничего похожего я не слышал. А ощущения!.. Что-то подобное бывает у тех, кто кислотой балуется или марихуаной. Ну, последнее я, предположим, пробовал. А так... даже не знаю, с чем сравнить. Демоническая музыка! Только... теперь вот в голове пусто как-то и звон в ушах, не очень-то приятно, и язык плохо слушается, и металлический привкус во рту... – перечислял Влад. – Я реально хочу спать... И всё же, что от меня-то надо?

Лёня взглянул из-под пучковатых бровей на взъерошенного друга:

– Что ж, пришёл момент сказать всё, – торжественно произнёс он. – Мне клавишник нужен. Позарез. Не хочешь по-пробовать? Хорошие бабки плачу.

– А сам что? – удивился Кречетов.

– Так нужен сексапильный, харизматичный, чтоб публика пицчала, девочки в обморок падали, ну, сам понимаешь – типа, русский Рэмбо.

Не успел он договорить, как у Кречетова снова зазвонил мобильник. Владислав нажал кнопку ответа, и на всю комнату разнёсся встревоженный голос Тимоши:

– Влад! Ну как ты, дружище? Прости, раньше не мог. Пока Петьку с Дашуней уложили... Живой? Напугал ты нас сегодня. Шуму наделал. Только о тебе и говорят.

– Тим, спасибо тебе, – Кречетов, насколько позволяло ему его состояние, изображал безмерную благодарность за беспокойство. – Знаю, что свалял дурака, но теперь уж назад не повернёшь, так что... Насчёт работы? Ещё не думал. Добрышев предлагает на мастер-классах ему помочь. В училище? Посмотрим. Давай созвонимся ближе к августу. Хорошо. Ну, пока. Привет Таньке.

И отключил мобильник. Затем поднялся из-за стола, провёл пятернёй по волосам, всем видом показывая, что он на пределе усталости.

– Лёньк, – взмолился он, – отпусти меня спать. Я сегодня думать больше не в состоянии.

Глава 3. Тень гоблина

Директор летней творческой школы для юных музыкантов Ираида Львовна нервничала. Она любила, чтобы всё было гладко, без сучка без задоринки, а тут! Публика в концертном зале загородного Дома творчества композиторов жужжала, словно пчёлы в роевне. Малышня с визгом скакала по ковролину. Стеклянные двери энергично открывались-закрывались, при этом Ираида Львовна каждый раз вздрагивала: ей казалось, что вот сейчас уж точно стекло разлетится вдребезги.

Мальчишки носились, подчиняясь законам броуновского движения, и Ираида Львовна ежесекундно замирала в страхе оказаться сбитой с ног. Девчонки прогуливались парочками, шушукаясь и оглядываясь, будто их подслушивают, загадочно улыбались. Овальная рояльный зал наполнялся полуденным солнцем, поскольку стены его на две трети состояли из окон. Взлетали от сквозняков тюлевые занавески. Педагоги (а это были исключительно женщины) беспрерывно пили минералку прямо из бутылок и обмахивались – кто китайским веером, кто носовым платком, а кто просто пачкой листов с отсканованными нотами – становилось душно.

Миновал полдень. Ираида Львовна сокрушалась: «Обед уж близится, а Кречетова нет». Именно это обстоятельство выводило её из себя и ломало все планы. Профессор Добры-

шев рассказал все весёлые истории, которые случались с ним в годы его учёбы, провёл свои первые занятия с юными пианистами, а также перезнакомился с их родителями, нашёл общий язык с преподавателями, а Кречетов всё не мог выбраться из пробки на Ленинградском шоссе.

Ираида Львовна наблюдала за подопечными. Ну, вот та большеглазая тонконогая с шикарной копной светлых волос – София Ласточкина из Находки. Или вон тот широкоплечий кудрявый и черноволосый Пётр, как его? Костиков? Нет, кажется, Костин, да. Из Москвы. этом году поступает в музыкальное училище, так же как этот сублильный Алексей, что приехал из Светловодска. Есть ещё интересный экземпляр из-под Петербурга: занимается исключительно музыкой, сменил несколько преподавателей. И это при том, что из учительской семьи и очень начитанный. Ему шестнадцать, и его папа по секрету рассказал, что привёз Володю специально, чтобы на сына повлияли Добрышев и Кречетов, ведь диплом нужен в придачу к таланту! Хотя Кисин, говорят, обошёлся без диплома. И ещё девочка из Светловодска, Аля. Вон она сидит с мамой. Головой к плечу маминому прислонилась. Косища у девчонки! И сама хорошенькая. Фигурка, черты лица тонкие, глаза выразительные, только больно уж серьёзная. Лишнего слова не скажет. И цвет лица необычный, с лёгким загаром. Наверное, от папы. Папа сидит в углу зала, от всех в стороне, читает толстый журнал. Интересный мужчина.

Но не успела Ираида Львовна отметить все достоинства своих гостей, как с лестницы донёслось торопливое:

– Здравсьте, Ираида Львовна! Виноват, опоздал! Пробки!

Импозантный молодой мужчина богатырского роста с ходу заключил Ираиду Львовну в объятия, не дав и слова сказать, чмокнул в напудренные щёки. От него пахло дорогими сигаретами и хорошими мужскими духами. Обижаться и сердиться было бесполезно, ведь Кречетов – а это был он – всегда так: наломает дров и знает, что за улыбку ему всё простят.

Мелкотню как ветром сдуло, фойе опустело.

– Пойдёмте, Влад, скорее, народ уже стонет! А Добрышев!.. – всполошилась Ираида Львовна, точно очнувшись от сна. – А очки свои снимете?

Она с лёгкой укоризной посмотрела на Кречетова, пытаясь заглянуть в его глаза сквозь фирменные солнцезащитные очки. Но Владислав Александрович будто не слышал вопроса. Только провёл по волосам пятернёй и спросил:

– Куда идти?

Ираида Львовна торжественно распахнула стеклянную дверь, пропуская вперёд долгожданного гостя, и объявила:

– Дорогие ребята, родители, педагоги! Я рада представить вам талантливого пианиста, лауреата международных конкурсов, ассистента нашего дорогого профессора Антона Сергеевича Добрышева, Владислава Александровича Кречетова! Владислав Александрович – прекрасный педагог.

Можно сказать, педагог от Бога. Это редкость, когда концертирующий музыкант может работать с детьми. Я имею в виду детей, ещё не ставших студентами. Со студентами легче, так ведь, Антон Сергеевич? – Ираида Львовна обратилась к Добрышеву, тот с готовностью закивал в ответ и сказал голосом доброго дедушки:

– Студенты уже могут работать самостоятельно, а вот маленьких, таких, как собрались здесь, надо уметь заинтересовать!

– И вот у Владислава Александровича есть такой дар!

Ираида Львовна закончила наконец своё сумбурное выступление, и из тени рояля вышел герой дня.

Несмотря на жару, Кречетов был в чёрной рубашке и чёрных джинсах, с уложенной копной волос цвета июльского пшеничного колоса, в тёмных зеркальных очках, и выглядел, как голливудский киноактёр, вдруг занесённый шальным ветром в захолустный подмосковный дом отдыха, чтобы сыграть странную роль преподавателя музыки, в то время как его ждут на съёмочной площадке кассового приключенческого фильма на роль обольстителя хорошеньких женщин.

– Привет! – сказал «голливудский актёр», одарив истомившуюся в ожиданиях публику обаятельной улыбкой. – Я немного опоздал, но готов искупить вину безлимитными уроками. Кто первый? – Кречетов принял театральную позу, положив крепкую и широкую, как у деревенского плотника, кисть руки на крышку рояля.

– Так уж и безлимитными, Владислав Александрович, день-то не бесконечен, – засуетилась Ираида Львовна, – и дети уже устали. До обеда успеете только с кем-то одним по-заниматься. Кто сейчас по списку? – и окинула собравшихся вопросительным взглядом.

Встала Аля.

– Я!

Звонящий голос Али из последнего ряда заставил всех оглянуться. Пока она шла к роялю, её сопровождали любопытные взгляды: что это будет? В голове девочки мешались мысли: «Это ведь тот самый пианист, который играл на конкурсе Чайковского! Это про него тогда говорили, что, бывает, и звёзды с неба срываются. А играл он тогда здорово! А что могу я по сравнению с ним?» Её охватила робость, сердце предательски заколотилось, руки онемели. «Как странно он поздоровался, этот Владислав Александрович: „Привет!“ Будто тут не взрослые незнакомые люди и ученики, а его друзья. Разве с учениками так учителя здороваются? И ведёт себя так, как будто не он на два часа опоздал и будто он здесь главный, даже профессор и Ираида Львовна такого значения сейчас не имеют, как он».

– Привет! Как тебя зовут? Аля? Привет, Аля! Что ты хочешь мне сейчас сыграть? – дружески спросил «преподаватель от Бога», глядя на неё с высоты своего каланчёвского роста. Сквозь тёмную зеркальность очков угадывались прищуренные глаза, внимательно её разглядывающие.

– Какую музыку ты любишь? Кто твой любимый композитор? – в бархатном голосе Кречетова проскальзывали скрытые металлические нотки, которые вызывали скованность. Он был полной противоположностью мягкому и домашнему Антону Сергеевичу, с которым просто и легко.

И всё же Кречетов не мог не понравиться – Ираида Львовна попала в точку, пригласив его в летнюю школу. Артистический шарм, молодой азарт, сундук секретов, добрая половина которых была добыта в битвах с конкурентами, – то были приёмы-отмычки к победам на многочисленных конкурсах. Он готов был поделиться ими с юными музыкантами. Но – только за деньги. Поэтому согласился на предложение поработать на мастер-классах.

Свет в овальном зале погас уже около полуночи, тогда же разошлись и участники действия.

– Да-а! – говорили ошеломлённые педагоги. – Он талантище! Не урок, а спектакль! Как мастерски он разбирает произведение! Как тонко чувствует индивидуальность ребёнка!..

– Да-а! – говорили поражённые родители. – Нет слов, он настоящий мастер своего дела! Как многому ещё надо научиться нашим детям, чтобы играть Музыку, а не ноты! Но ведь он в каждом увидел что-то особенное и вытащил на свет божий!

– Да-а! – говорили озадаченные ученики. – Пахать и пахать!..

«Пахали» неделю. Уплотнённым графиком шли занятия

в овальном зале, в дачных домиках с остеклёнными террасами и резными наличниками на окнах за историческими немецкими роялями по жёсткому расписанию занимались шлифовкой произведений юные пианисты.

Домики и рояли до сих пор называли по именам их прежних владельцев – именитых и не очень композиторов и музыкантов, которые творили здесь зажигательные марши и проникновенные песни для народа советской страны. Не стало страны, и куда-то подевались композиторы и музыканты, и только домики и рояли своим реальным существованием достоверно утверждали, что всё это никому не приснилось. Ираида Львовна решила вдохнуть жизнь в гибнущий мир музыкального творчества, и благодаря её энтузиазму и связям несколько недель в году новая жизнь здесь кипела и бурлила, наполненная звуками, ритмами, мелодиями, смехом, разговорами, спорами, историями нового времени.

Был последний день занятий. Завтра – концерт участников, награждения, праздничный ужин. А пока все ждали уроков Владислава Александровича. Но обожаемого учителя не видели на завтраке, не пришёл он и на занятия Добрышева, хотя всегда присутствовал, ведь его уроки нередко превращались в дискуссии по поводу заложенного композитором в данное произведение смысла или конкретного способа звукоизвлечения. В дебаты обычно включались все, кому было что сказать. В разгар споров появлялась Ираида Львовна и стучала наманикюренным ноготком указатель-

ного пальчика по циферблату миниатюрных часиков, стоя у стеклянных дверей:

– Время, товарищи, время!

Разгорячённая публика оседала, успокаивалась, и Добрышев завершал урок неизменным:

– Ну, вот, Петя (Алёша, Аля), у тебя всё хорошо. Играешь ты талантливо. Только подучи немножко, как мы с тобой сейчас делали. Вот ещё с Владиком поиграете, совсем хорошо будет. Он музыкант молодой, современный, талантливый...

Сегодня занятия с профессором проходили спокойно и чинно, без отступлений и жарких дискуссий, а потому на обед все пришли вовремя, без задержек и опозданий.

– Всегда бы так! – радовались официантки в столовой. – А то ждёшь-ждёшь, не дождёшься вас. А обед стынет!

Однако почему-то чудаки-музыканты без восторга отнеслись к горячему обеду. Обычно возбуждённые и шумные, сегодня они были присмирившие и разговаривали шёпотом.

– Пап, ты обещал! – Аля приставала к Михаилу. – Ты обещал рассказать, куда тебя утром вызывали!

– Аля! – отец постучал ложкой по краю тарелки. – Здесь не лучшее место для объяснений.

– Ладно! Ешь свой суп! – вступила в пререкания Вета. Ей-то было известно об утреннем происшествии.

Михаила разбудили ни свет ни заря. Искали доктора. Кому-то было плохо. Приглушённый женский голос за дверью

спрашивал: «Доктор здесь живёт?» Михаил влез в джинсы, натянул футболку, поискал глазами расчёску, да махнул рукой. Умываться было некогда, в дверь стучали уже осторожным, но настоящим стуком. Аля крепко спала, даже не пошевелилась, сонная Вета спросила:

– Ты куда? Что случилось?

– Ничего. Спи.

Михаил выскочил из домика. На крыльце топталась взволнованная Ираида Львовна в спортивном костюме оранжевого цвета и с растрёпанными рыжими волосами:

– Михаил... Евгеньевич... – Ираида Львовна запнулась. – Простите, что подняла вас, вы ведь доктор? Ваша дочка в анкете написала. Можете оказать помощь? Кречетову плохо. Тошнит, плохо с сердцем... Я вот на пробежку собралась, а мне жена его позвонила...

– Куда идти? Подождите, кое-что прихвачу.

Михаил вернулся в комнатку, вытащил из шкафа пакет с набором первой помощи, – у него была профессиональная привычка всё своё таскать с собой, она не раз выручала.

– Идёмте!

«Голливудского актёра» было не узнать. Всклокоченные волосы, точно солома на поле после бури, торчали во все стороны, лицо то багровело, то становилось белым, как простыня, на которой он лежал в одних трусах. Он то обливался потом от жара, то дрожал и покрывался мурашками озноба, лицо его страдальчески перекашивалось позывами на рво-

ту. В комнате витал спёртый дух из смеси табачного дыма и паров выпитого спиртного. Возле кровати на полу стояла кружка, полная окурков.

Михаил оценил обстановку.

– Вы жена? – обратился он к темноволосой молодой женщине, которая, кроме приветственного «здрассьте», не проронила ни слова.

– Откройте окно! – распорядился Михаил и кивнул на болезненно скорчившегося пациента. – Всё тут ясно: отравление алкоголем.

Тот потянул на себя одеяло, пытаясь укрыться с головой:

– Лихорадит что-то...

Врач начал профессиональный допрос:

– Владислав Александрович, как вы себя чувствуете, что болит? Что пили и сколько? Давно? А ели что-нибудь?

– Ночью... В баре посидел... Болит всё. Желудок, сердце... А я... – постучал он зубами, – вас... где-то видел? – в заплывших глазах больного сигналящим поплавком промелькнул интерес.

– Ну... наверное, в овальном зале или в столовой. Я здесь с дочерью.

Михаил не спеша померил давление – повышенное.

– Вам противопоказано, – с тревожным чувством произнёс он. – Гипертония в наследственности есть? У дедушки? Тем более! А сейчас, – он посмотрел на наручные часы, было полпятого, – быстро несите кипячёную воду, не меньше

двух литров, и тазик, если есть.

Жена Кречетова отправилась на кухню, принесла чайник.

– Кипячёная, холодная, – низкий тембр голоса молодой женщины никак не вязался с её хрупкой фигуркой.

– Курите? – не удержался от вопроса Михаил. Она удивлённо взмахнула махровыми ресницами:

– А кто сейчас не курит? – и присела на подоконник у открытого окна, с тоскою глядя в белёсое утреннее небо.

– Промывали когда-нибудь желудок? – спросил врач.

– Промывал, промывал, – пробурчал больной и сморщился: – Юль, выйди, пожалуйста, мы тут сами разберёмся.

Юлия, поджав губки и тряхнув чёлкой до бровей, послушно вышла.

Выпив булькающими глотками воду из чайника, Кречетов вразвалку удалился, зажимая рот рукой. Его не было минут пять. Он вернулся умытый и посвежевший, только бледный, сел на кровать, закутался в одеяло.

– Стало лучше. Видно, коньяк палёный был... Ведь выпил немного, а чуть коньки не отбросил. Курить хочется зверски! – пострадавший взял с тумбочки измятую пачку сигарет, встряхнул, извлёк единственную оставшуюся и жадно закурил, глубоко втягивая дым. – Тебя как зовут, док? – обратился он неожиданно на «ты», по-свойски, как к старому приятелю. – Михаил? Миша! Добряк ты, Миша, сразу видно. Слушай, надо сделать так, чтобы я сегодня на занятиях был как огурчик. Можешь так сделать?

– Владислав Александрович!..

– Влад я! Мы с тобой ровесники или около того. Ну что?

– Я попробую, а вы... ты, Владислав, мне пока расскажи, что случилось.

– Что, что! Не нравится ей здесь.

Михаил не сразу сообразил, что Кречетов говорит о жене.

– Не нравится кормёжка. Я ей обеды из ресторана привожу, тут городок недалеко. Не нравится, что я преподаю. Вчера топнула ножкой и заявила, что всё надоело, хочет домой, видите ли, ей скучно сидеть одной, пока я дотемна на работе. Всё вспоминает, как провалился на «чайнике» в прошлом году...

Кречетов затушил недокуренную сигарету в кружке.

– Где? – не понял Михаил.

– На «чайнике». Это мы так конкурс Чайковского называем. Ну, я пошёл в бар и со зла коньяку выпил. Достала! Эх, женщина! Мне же надо чем-то заниматься!

– Там ты играл лучше всех, – не удержался Михаил, чтобы не высказать своих прошлогодних впечатлений. – Это я вам... тебе от души говорю. Я не музыкант, но музыку классическую люблю. Учился когда-то музыке, – Михаил покопался в пакете и вытащил несколько ампул. – Полечу чем есть. Хорошо бы капельницу, но об этом я как-то не подумал, когда сюда ехал, – покачал он укоризненно головой. – Думаю, к вечеру совсем поправишься. А на занятия сегодня вам... тебе лучше не ходить.

Доктора провожала вышедшая из глубины комнат Юлия в наброшенном на плечи светлом, с шёлковыми кистями платке.

– Спасибо!

Она пристроилась на крыльце домика с тонкой дамской сигаретой в изящных пальцах, иронично оглядывая натягивающего кроссовки доктора. И снова удивил Михаила необычный, будто не ей принадлежащий, голос.

За спиной Юлии неожиданно вырос Влад, завернувшийся в простыню:

– Док! А дочку-то как зовут? Аля? А-а! Аля! Помню. Сонату Гайдна играла и «Мимолётности» Прокофьева. Слушай, Миш, так я её в свой класс возьму, если хочешь! Хорошая девчонка!

Никто не знал об этом утреннем происшествии, потому обедавшие гадали, что случилось и будут ли сегодня занятия. Появилась Ираида Львовна и, сославшись на неважное самочувствие Владислава Александровича, объявила, что вместо него занятия проведёт замечательный педагог и пианист Тимофей Ипполитов, на концертах которого не бывает свободных мест.

После этих слов присутствующие обратили внимание на стоявшего в сторонке неприметного мужчину. Короткая стрижка, глубокие залысины, потёртые джинсы. Он смущённо улыбался, и его робость вызывала симпатию. Глаза излучали доброту и внушали доверие.

Влад по телефону позвал его, когда убедился, ещё раз взглянув в зеркало, что «док» прав: в таком виде на работе появляться нельзя. Голова гудела и кружилась. Тимофей ответил, что он с семьёй на даче, но раз уж такое дело, выручит. Может, кто из приехавших на мастер-классы в училище захочет подготовиться. Всё деньга.

– О, Тим! Попал в точку, таких как минимум трое. Приезжай! – попросил друга Влад, а после залёг и проспал до вечера, зная, что Тимоша не подведёт.

Безотказный Тимоша примчался в тот же день и, пока Кречетов отсыпался, добросовестно отработывал мастер-классы. Потом он так же незаметно для всех исчез, как появился.

А Владислав Александрович как ни в чём не бывало блистал в нарядной белой рубашке и чёрном концертном костюме с бабочкой на прощальном вечере.

Ученики, родители и педагоги ликовали – обожаемый Владислав Александрович здесь! Бесспорно, Тимофей профессионал, сколько полезного он дал детям, как чётко организованы его уроки, но как не хватало вас, дорогой наш учитель! – только и слышалось со всех сторон.

Хорошо, что Тимоша был уже далеко, в противном случае не избежать ему мук профессиональной ревности.

Ираида Львовна произносила поздравительные речи. Юный Володя из-под Петербурга играл на рояле туш. Владислав Александрович награждал рукопожатиями будущих

лауреатов всех на свете конкурсов и поцелуями – рдевших, как вишни, прихорошившихся, а оттого безвозрастных педагогов, вручал дипломы и сертификаты. Закончив с торжественной частью, Кречетов перевоплотился в зажигательно-го конференсье и сыпал направо и налево шуточками и приколами.

– Аля! Скажи, пожалуйста, сейчас ты будешь играть ноктюрн Шопена. Попросим всех закрыть глаза? Ты будешь нас убаюкивать? Ночная песнь всё-таки, так ведь? – разыгрывал Кречетов Алю, потом переводил вопросительный взгляд на Добрышева. Тот улыбался: да-да, дескать, есть у нас расхождения во мнениях о темпе, о фразировке... – Или отправишь нас на романтическую прогулку любоваться звёздами?

Щёки Али загорелись от смущения, но она нашлась:

– А я по-своему сыграю! Это же концерт, а не экзамен!

Когда подошла очередь Пети, Кречетов укоризненно спросил:

– Петя! Твоя соната Прокофьева какая-то заколдованная. Каждый раз приходится лопнувшие струны менять! Ты с собой запасные принёс?

Петя Костин басил, что он не отвечает за темперамент Прокофьева.

Концерт шёл по плану: вальсы, мазурки, баллады...

Юлия сидела в углу зала за колонной, куда даже свет хрустальной люстры добирался с трудом. Никто из присутствующих не догадывался, что эта темноволосая девушка с мин-

далинами тёмно-карих глаз, спрятанных под густой длинной чёлкой, и есть супруга Кречетова. Ранее её никто не видел в овальном зале, она никогда не появлялась в столовой. Юлия вполне отвечала сумрачности выбранного угла, у неё было плохое настроение: «И зачем он меня сюда привёл? Что интересного? Дети как дети. Что он нашёл в преподавании? Скучно...» Юлия достала мобильник из миниатюрной театральной сумочки и начала удалять эсэмэски.

Белобрысый сутулый парень долго и тщательно перебирал бисерные пассажи в «Хороводе гномов», чем вызвал поощрительные аплодисменты публики. «Подумаешь, я в пятнадцать лет „Блуждающие огни“ играла, удивил, называется!»

Недовольство Юлии росло. Девчонка-подросток, рассказываясь в стороны и запрокидывая голову с пышной гривой волос, изображала «Лесные сцены» Шумана.

«Господи, эти „сцены“ самой надоели, ещё здесь слушать...»

Юлия теряла терпение. В этот момент к ней подсел Влад, он был оживлён и светился от удовольствия:

– Юльк, скажи, хорошо играют? – заглянул он жене в глаза. – Ты ещё Володьку нашего не слышала! Точно, не от мира сего, гений! Вот он как раз...

Оборвав фразу на полуслове, Кречетов вскочил в радостном возбуждении и не заметил раздражения жены. Капризно дёрнулось оголённое угловатое плечико. Красавица закинула ногу на ногу и вынырнула из-под чёлки, убрав телефон.

К роялю разболтанной походкой шёл паренёк, засунув руки в карманы широких брюк. Он сел на стул у рояля, потом развернулся к слушателям и сказал:

– А может, не буду я ничего играть? Все уже сто раз всё слышали. А?

Ему ответом была гробовая тишина – публика застыла в недоумении. Парень повернулся к роялю и принялся что-то негромко наигрывать, забыв про окружающих. Он крючком завис над клавишами, ритмично тряс головой, волосы прыгали в такт мелодии, казалось, и нос принимает участие в замысловатой импровизации. По залу разнеслись смешки детей и шиканье взрослых. Кречетов поднялся с места, наклонился к Добрышеву, что-то сказал ему и пошёл к роялю.

– Володя! – положил он широкую ладонь на плечо парня. В голосе Кречетова звенели металлические нотки недовольства. Володька идёт на розыгрыш, интригуя и без того ошарашенную публику.

Озорник, очнувшись, прекратил игру, повернул голову, рассеянно посмотрел на Кречетова:

– Вы что-то сказали?

– Володя, ты хотел нам сыграть Равеля, «Ночной Гаспар».

– А, да! Сейчас... Город призраков... – Володя неуверенно прощупал пальцами клавиши, устремив взгляд слепца в потолок. – Вот! Вспомнил!

Вытянув ноги и откинувшись на спинку стула, уникум повёл слушателей в путешествие по ночному потусторонне-

му городу. Глаза его были закрыты. Движения головы повторяли движения рук по клавиатуре. Губы беззвучно шевелились, выдавая внутренние переживания. Тело пианиста подчинялось пульсации ритмов и настроению мелодии. Недвижное, загипнотизированное журчанием и плеском вод в «Ундине», в «Виселице» оно напряглось и повторяло колыхание повешенного в такт пустым аккордам. Обречённо звучал далёкий колокол на одной повторяющейся ноте под нервными пальцами, наводя жуткую тоску.

Влад встал со своего места и шагнул в сторону Юлии. Он махнул ей рукой, приглашая перейти из дальнего угла сюда, ближе к чудаку-вундеркинду. Он хотел, чтобы они могли поймать его гениальное перевоплощение в невероятного, мистического Скарбо, пугающего не только детей.

Однако Юлия никак не отреагировала. Она сидела, плотно обхватив себя руками, напряжённая, как струна, и злилась: «Что он меня, специально сюда привёл, чтобы уколоть “Гаспаром”¹?!» Не забыть, как измучил её этот музыкальный шедевр и как в конце концов она вынуждена была отказаться от этого произведения Равеля.

– Юлия! – шёпотом позвал Влад.

Произошло неожиданное. Молодая женщина вскочила и

¹ Имеется в виду сюита М. Равеля «Ночной Гаспар» из трёх пьес: «Ундина», «Виселица», «Скарбо». Этот «удивительный триптих» (выражение А. Карто) написан под впечатлением поэм в прозе Алоизиуса Луи Бертрана. Нигде больше у него не встречалось такой концентрации выражения мрачного и зловеще-фантастического (http://www.belcato.ru/ravel_gaspard.html).

побежала к выходу, громко стуча каблуками по начищенному паркету. К груди она судорожно прижимала сумочку. Длинная широкая юбка развевалась, подобно шлейфу королевы.

Ираида Львовна, поднявшись со своего места, в замешательстве теребила в руках листок с программкой.

Кречетов кинулся вдогонку за женой.

– Отстань! – отмахнулась Юлия сумочкой от мужа и выскользнула в фойе.

Владислав Александрович аккуратно, очень аккуратно прикрыл дверь за супругой и развернулся к публике с обворожительной улыбкой:

– Извините, вернёмся к нашим делам.

Сто тысяч кошек скреблись у него на душе.

Надрывные хохочущие звуки невидимого злого духа Скарбо заполняли овальный концертный зал – горбатая тень гоблина металась за роялем.

Глава 4. Кризис жанра доктора Ольшанского

Михаил помнил предложение Кречетова, сделанное на крыльце композиторского дома, но всерьёз к нему не отнёсся, – подумал, мало ли что скажет мужик по пьяни, пусть даже преподаватель от Бога! Москва и провинция – две разные галактики.

Дела закрутили Михаила, не давая опомниться после поездки. Так сложилось, что именно теперь он, как всякий нормальный человек в его возрасте, переживал «кризис жанра»: ему надоело однообразие работы заведующего отделением детского санатория. Раздражало, что, как младший школьник, он не может сделать шаг влево, шаг вправо: потому что не имеет права, если это противоречит спущенной «сверху» инструкции. Его натура требовала бурной деятельности.

Он давно заменил в своём отделении сгнившую сантехнику на сверкающую импортную. Обеспечил дежурных медсестёр удобной формой и бытовыми удобствами – от электрических чайников до вращающихся современных кресел на посту. Ревнителю устоявшихся традиций шептались о финансовых источниках для всей этой «красоты».

Ходили слухи о сокрытых платных услугах, вымогательствах с родителей и даже интимной связи с главной бухгал-

тершей управления здравоохранения. Несмотря на слухи, в ординаторской появился новенький плоский телевизор. Для чего? А чтоб сон не сморил дежурного врача в тёмную нудную ночь.

Завотделением Ольшанский Михаил Евгеньевич упрямо противостоял беспросветной тупости родителей: каждое посещение они набивали тумбочки именно тем, что отправляло их чад напрямиком в больницу. Целыми тележками вывозили медсёстры в мусорные контейнеры бутылки с пепси и колой, трескучими пакетами чипсов, сухариков и солёных орешков. Доктор был неумолим:

– Я уже сто раз объяснял: только нормальная человеческая еда вылечит вашего ребёнка. Не придётся затрачивать на дорогие лекарства.

Он умудрялся втискивать продвинутые способы лечения в узкие рамки окаменевших медицинских инструкций прошлого века. Подумать только! Один из его пациентов, странный тихий мальчик, прошёл новомодное тестирование (ох уж эти новинки в системе образования!), и его отправили в школу для детей с задержкой умственного развития.

– Доктор! Придумайте что-нибудь! – обречённо плакала мама тихого мальчика.

Михаил придумал: прописал парнишке лечение, освоенное на последних курсах повышения квалификации. Как раз из тех, что «ни в какие рамки...»

Мама пацана позвонила месяца через три. Тестирование

признали ошибкой, оказалось, что все реакции соответствуют возрасту.

– Я сына не узнаю, мой тихоня, которого трудно было чем-то увлечь, вдруг преобразился: с жадностью читает книжки, задаёт уйму вопросов – в общем, превратился в эрудита! Доктор, вы волшебник!

Судя по всему, творить бы Михаилу и дальше чудеса в своей санаторской вотчине, но ему хотелось большего размаха и отдачи. Да-да, отдачи в денежном выражении. И клятва Гиппократа здесь совсем ни при чём. Разве диплом врача – это заведомо гарантия нищеты? В какой-то момент Михаилу всё сделанное раньше показалось скучным. Жажда обновления захватила его. Возникшее настроение чётко совпало с наступившим в стране временем перемен. Начать было сложно, потому что нет ничего более консервативного, чем сознание чиновников от медицины.

– Нет, ты представляешь? – Михаил обычно «раскалывался», когда всё уже случилось и было далеко позади. – Они мою бумагу на аренду помещения в поликлинике под кабинет даже не рассматривали! Сказали, что начальник отдела в командировке. А я его на лестнице встретил. Так он мне в лоб сказал, что, пока жив, никаких новшеств у себя не допустит. Тем более мошенника-гомеопата. Так и сказал: мошенника! Гомеопатию у нас то разрешают, то запрещают... Эх, Россия... Всё новое внедряется с трудом...

И Миша впал в тоску.

Вета женским чутьём поняла: пропадёт мужик. Нужны перемены. Перемены нужны были и Але. Недавно вот подходил Шахов: «Чего вы ждёте? Уезжайте, пока Аля не завяла, она уже выбрала здесь всё, что было возможно, ей надо расти». «Пока приглашают», – добавила про себя Вета.

И она поставила вопрос о переезде ребром. Совершенно необходимо изменить жизнь.

Надо было принимать решение, но Михаил не верил в сумасбродную идею переезда в Москву, как в полёт на Марс. В доме Ольшанских разразился скандал. Разворачивался он по сложившемуся за годы сценарию – как известно, в каждой избушке свои погремушки. Вета извергала аргументы, а Миша упорно отмалчивался, делая вид, что всё происходящее не имеет к нему никакого отношения.

– И снова ты молчишь! – в отчаянии набрасывалась Вета на мужа. – Удобная позиция! Как только что-то надо решать, так из тебя слова не вытянешь! А я что должна делать? До вступительных экзаменов две недели осталось! Так подготовиться надо, где-то жить в это время! – взывала она. Но вместо ожидаемых слов мужской поддержки в ответ раздавалось хлюпающее сопение со стороны дивана.

Михаил в это время был очень далеко. Грохочущий водопад доводов и призывов, которые кидала в его сторону Вета, иссякал, не достигая ватного сознания Миши. Пронзительный голос жены звучал эхом, отражаясь от стен комнаты. «Убежище» Михаила дышало сладким пофигизмом: сюда он

сбегал, когда неразрешимые проблемы брали его за горло. Больших усилий не требовалось, – всего-то шкалик разведённого медицинского спирта, и ты на месте. Прямо в «стране дураков».

– Ладно, я дура! – слова Веты зависали в безответном вакууме. – На что блестящую карьеру променяла – на причуды алкоголика! Да ты оборотень! «Доктор Ольшанский! Врач божьей милостью!» Видели бы тебя сейчас твои пациенты! Я тебя такого ненавижу! – переходила границы Вета, не в силах достучаться до пьяного супруга. Их разделяла непреодолимая пропасть между миром неумолимой реальности и миром хмельной расслабленности. Вета строила чёткие планы, она была твёрдо убеждена, что родители должны сделать всё возможное и невозможное, чтобы создать условия для развития таланта дочери. А Михаил не очень верил в собственные силы, и потому его сковывал страх перед резким сломом привычного образа жизни. Она знала, ЧТО обязательно надо, а он думал о том, КАК это осуществить. Он ощущал, какая тяжёлая ответственность на него ложится. Он страшился, что ему не достанет сил достичь такой серьёзной цели, которую ставила перед ним его жена.

На самом деле Михаил поступал как нормальный мужик. Чем выглядеть круглым идиотом, – а что он может сделать? – лучше ретироваться и пережить бурю, потом, глядишь, всё как-нибудь само устаканится.

– Всё... будет... хоро... шо! – беспомощно икал он.

Вета кружилась по квартире, собирая свои и дочкины вещи в кучу посередине комнаты, и разговаривала сама с собой, – до того злость распирала её. Михаил безучастно наблюдал за действиями жены. Стены комнаты наклонялись то вправо, то влево, люстра качалась, свет неприятно резал глаза.

– Как мне плохо... – стонал он, отворачиваясь к стене. – Мельтешите тут... кричите... мешаете спать...

– Вот идиот! Напился, и всё ему трын-трава! – долетал сквозь полудрёму голос Веты. – И до ребёнка ему дела нет! Другие из кожи вон лезут, в престижные школы детей пристраивают, репетиторов нанимают! А тут такая возможность! Учитель – концертирующий пианист! В класс приглашает. А мы ещё думаем, резину тянем: а может, «да», а может, «нет»? Тюфяк ты набитый!

Вета возмущалась, но в душе понимала, что в словах её много несправедливого. Кто таскал с дежурств отбивные для Альки? «Вот моя доля мамонта!» Кто уговорил её саму бросить работу, когда у дочки началась нервная рвота на детский сад? Это он твердил: «От твоей науки ни толку, ни проку! Займись ребёнком...»

«В конце концов, – подумала Вета, выпустив пар, – он ведь кормит меня. И не ворчит за потраченные на новые колготки деньги. Уже за это я должна быть ему благодарна».

Она подошла к Михаилу и тихонько присела рядом. Тот лежал, уткнувшись в подушку, а когда почувствовал её при-

сутствие, поднял голову и посмотрел на неё одним открывшимся, но преданным глазом.

– Да!.. Тюфяк... доктор... Ольшанский... набитый... – и провалился в сон.

Утром доктор Ольшанский поднялся ни свет ни заря, принял душ, побрился, надел чистейшую выглаженную рубашку, поцеловал сонную Вету в тёплую щёку и отправился «на службу» как ни в чём не бывало. Но не надо думать, что Михаил всё сказанное женой пропустил мимо ушей и забыл. Он ходил мрачный и молчаливый, раздражался по мелочам и избегал общения. Он кожей чувствовал: от него ждут решения. И вот настал день, когда он «дозрел» и заговорил первый.

– Я знаю, ты сердишься. Но сама подумай: где я буду работать? Что я буду там делать? Кто меня ждёт в этой огромной бестолковой Москве?

– Миш, ты совсем одичал, – сокрушалась Вета, – тебе, с твоим образованием и опытом, чего бояться? – досадовала она. – Дорогой, ну почему ты всегда себя недооцениваешь? Ты прекрасный врач!

– Ну ладно, не городи чепухи! Обычный врач, каких тысячи, – смущался Михаил – вечно жена преувеличивает, врач как врач, на то и врач, чтобы лечить, это работа. – И сама знаешь, в Москве я буду не первый, кто ищет работу! А жить где? Вот мы приедем, и куда?

– Ладно, Миша, это всё отговорки, – отмахивалась Вета. –

Жалко нашу Алю. Ты папа. Кому, как не отцу, прокладывать детям дорогу в мир? И потом, сколько раз мы убеждались, что перемены – это толчок к развитию...

Он и сам ждал этого толчка.

– Хорошо! – согласился Миша и уже вечером положил перед Ветой нужную сумму денег – где он их раздобыл, осталось тайной.

На следующий день Вета с Алей ехали в Москву. До экзаменов оставалась неделя. «Провалимся – ну что ж поделаешь, всё же будем надеяться, – рассуждала Вета, лёжа на верхней полке плацкартного вагона. Ей не спалось. К тому же грузный сосед на нижней полке храпел оглушительно. – А сдадим – тогда будем проблемы решать. По мере их поступления».

Михаил остался ждать результатов экзаменов Али. Почва уходила у него из-под ног при мысли о переезде. В отсутствие жены и дочери он вновь схватился за привычное утешительное. Бутылочная тара заполонила квартиру, хоть грузовик подгоняй, а Михаил всё не мог найти точку опоры. В голове периодически всплывали Ветины слова:

«Миша, ты о нас подумай, мы с Алей без тебя пропадём!»

Эта фраза просветляла мозги. Но потом тонула в потоке бессознательного. Он плыл по течению.

Вета волновалась: Михаил не отвечал на звонки. Интуиция рисовала картинки одну страшнее другой. Ей хотелось всё бросить и мчаться спасать доброго беззащитного Мишу

от неискоренимого порока.

Только что-то подсказывало Вете: если пойдёт на поводу бабьей жалости – погубит и Алины надежды, и своё право на перемену жизни, и, в конце концов, самого Мишу – ведь надо же ему когда-то повзрослеть!

Поворотный в их жизни момент настал. Или поменять себя, или каждому пойти своей дорогой.

– Аля! Что же нам теперь делать? – советовалась Вета с дочкой, когда экзамены были успешно сданы. – Папа молчит. Но ведь жизнь надо устраивать. Мы что, ему совсем безразличны?

– Ну так давай позвоним папе, обрадуем его! – выпалила Аля. – Я ведь поступила в класс Кречетова!

– Нет, я звонить не буду, это выше моих сил – начинать всё опять сначала! – воспротивилась Вета.

– Тогда позвоню я! – и Аля набрала номер отца.

Бесстрастный голос доложил за хозяина телефона: «Абонент недоступен или находится вне зоны действия сети».

Михаил позвонил вечером следующего дня. Вета не сразу его узнала – голос глухой и далёкий, как из преисподней.

– Завтра приеду. Где я вас найду?

Вета надиктовала адрес.

Назавтра, решительно настроенная, она ждала мужа на пустынной детской площадке перед пятиэтажкой, где они с Алей временно остановились у знакомых. Увидев Мишу, не

кинулась, как в прежние времена, выразить сочувствие и понимание. И обмануть себя, что теперь-то точно прощает последний, самый последний раз... Она поставила протрезвевшему супругу ультиматум:

– Хватит мне голову морочить обещаниями! Мы с Алей сами справимся. Я пойду на любую работу. А ты уезжай куда хочешь. Найди себе кого-нибудь, в конце концов! Зачем мы тебе нужны – чтобы нас мучить?

От истошных криков Веты на заброшенной детской площадке в отдалённом районе Москвы с окрестных кустов шархнулись испуганные воробьи.

Она заглушала в себе голос бесконечной жалости. Её Миша, её «французский принц» сейчас был похож на несчастного бомжа, который каждое утро копается в контейнере с мусором возле их «хрущёвки».

Кричала, чтобы не передумать. Она решила расстаться с замечательным, сердечным, талантливым Мишей, потому что невозможно жить без согласия и без движения вперёд. Вета выбрасывала аргументы, стараясь убедить мужа и себя в своей правоте, он странным образом не возражал. И даже не оправдывался. Молча ждал, когда она закончит свою тираду. Потом, на фоне показавшейся даже странной тишины, Михаил сказал Вете главные слова:

– Вета, я приехал, чтобы быть с тобой и с Алей. Я найду такую работу, чтобы Аля могла учиться. И я никуда не уеду, потому что люблю тебя.

Так закончилась попытка Веты стать самостоятельной женщиной. Потому что всё, что сказал Миша, было чистой правдой.

– Знаешь, мне придётся заняться наркологией, вот, записался на курсы, буду работу с учёбой совмещать, – сообщил жене Михаил где-то недели через две за ужином в квартирке, снятой на окраине города, – на зарплату врача детской поликлиники нам не прожить, а спасая других, спасёшься сам. Дурак я, конечно, был, но что теперь об этом! Алкоголю в моей жизни больше нет места, точно.

Что произошло с Мишей за время их разлуки, уже не интересовало Вету. Главное, что он знает теперь, что ему надо в жизни. Она почувствовала, что он собрал все свои мужские качества, осознал необходимость проявления воли и старается взять ситуацию в свои руки. Это её радовало и вселяло надежду на будущее.

Михаил вскоре ощутил себя на новом поприще как рыба в воде: он знал проблему «клиента» изнутри. А чуткость натуры детского врача сделали его любимцем женской клиентуры.

Поначалу мечты ограничивались необходимостью заплатить вовремя за жильё. Потом он осмелел, и от стакана апельсинового сока по утрам шагнул к мечте о приобретении собственного авто в кредит. Чтоб всё как у людей. Однако каждый раз отказывался от этой затеи по двум соображениям: Москва всё прочнее забивалась пробками, оказа-

лось удобнее передвигаться по подземке. И главное – Михаила удерживал подспудный страх, зародившийся в детстве: отец погиб в автокатастрофе, когда ему не было и трёх лет. Он не помнил отца, помнил только каменное лицо матери, огромную толпу народа и венки из ярких бездушных искусственных цветов.

Передумав в очередной раз, он больше не жалел о несостоявшемся приобретении. К весне Михаил решил вложить деньги в собственный бизнес. Интеллектуальный и беспроигрышный. Открыть аптеку. В Светловодске. Где аренда помещений и зарплаты гораздо ниже, чем в столице. Вета загорелась идеей мужа:

– Миша, так это же мой профиль! Что я, зря училась? До Светловодска ночь езды. Аля подросла. А главное – найти место проходное, где народу много. Надеюсь, справлюсь.

Про подводные камни среднего бизнеса никто тогда не думал.

Глава 5. Теремок

В хлопотах и разъездах пролетели летние каникулы. Наступил учебный год. В один из дней бабьего лета позвонил Кречетов. Не как обычно, Але, чтобы уточнить время урока. Позвонил Вете и нерешительным голосом (как же она была удивлена!) спросил:

– Вы не могли бы мне помочь?

Вета развеселилась: интересно, чем она может помочь ему, «чародею»?

– Да, Владислав Александрович, конечно, если это в моих... наших силах! – с готовностью ответила она и добавила:

– А может быть, Михаил?

– Нет-нет! Тут особая просьба, – перебил Кречетов. – А с Михаилом я только что разговаривал. Он очень занят. Просьба такая: не могли бы вы с Алей приехать ко мне на дачу и задержаться до завтрашнего дня? Мне надо отъехать, а я не хочу оставлять дом без присмотра, к тому же утром должны прийти рабочие, им я как-то не доверяю. Аля бы по-занималась на рояле. Ну как, вы согласны? Добираться совсем не сложно, – Кречетов, не дожидаясь ответа, подробно расписал, откуда и куда следует рейсовый автобус. – Запомнили? До Крюковки. Если выедете прямо сейчас, успею провести с Алей урок.

Пережив лёгкую оторопь от неожиданного предложения,

Вета собиралась с мыслями. Она, конечно, была наслышана о традициях музыкантов уроки с учениками проводить у себя дома или на даче. И Нейгауз-старший, и его ученик профессор Добрышев очень демократичны. Чему удивляться? Вон однокурсница Лёши Филимонова живёт у своей педагогини. А что делать? Снять жильё не всем по карману, а общежитием училище не обеспечивает.

Далеко ехать. Зато урок, Аля может на рояле позаниматься... Похоже, ему и в самом деле обратиться не к кому.

«Конечно, жизнь его загадочна и непонятна, но надо, пожалуй, помочь», – решила Вета.

И не мешкая позвонила Мише:

– Не хочешь провести Владислава Александровича?

Но у Михаила было полно вызовов.

– Да сами справитесь! На автобусе доедете, там Кречетов вас встретит, он так сказал. Ему куда-то ехать надо. А вы с Алей прогуляетесь. Всё там нормально. Свежий воздух и рояль в придачу.

И Миша исчез в лабиринтах метро на очередном перегоне к очередному пациенту. Он был прав. Пока погода позволяет, грех не прогуляться, да и занятия на рояле не часто выпадают, дома приходится довольствоваться стареньким хозяйским пианино...

Автобус сломался аккурат на повороте к деревне Крюковка. До неё ещё километра три, и там, на автобусной остановке, Алю с Ветой дожидался Кречетов. Он уже позвонил раз

сто: «Где вы?»

Вета с Алей, видя, что ни одна машина не сворачивает в сторону деревни, пошли пешком. На глазах солнце укатило на ночёвку, с окружающих полей подступили сумерки, а с ними прохлада и неуют.

Не очень-то приятно тащиться по незнакомой дороге на ночь глядя и неизвестно куда. С тех пор как появилась на свет Аля, Вета стала боязливой и осторожной. «Только бы дочь сиротой не оставить». На просёлочной дороге ей мерещились встречи с промышленяющими маньяками и сбежавшими рецидивистами. Столкновение с заблудившимся га-старбайтером, если верить газетным сообщениям, сулило не меньше неприятностей.

Вдалеке на дороге замаячил встречный автомобиль. Вета напряглась. Сумерки, две дурочки на пустынной дороге. Самое то – позабавиться. Машина летела на всех парах. Она оттянула Алю на обочину:

– Давай пропустим, а потом пойдём быстрее, – прижала она дочь к себе.

– Мама, я устала и хочу скорее куда-нибудь прийти! – за-капризничала Аля. – Почему мы должны его пропускать?

Но всё-таки послушалась и пошла вперёд теперь уже по обочине.

– Глупышка! – мать последовала за дочерью в направлении деревни Крюковки.

Стального цвета жигулёнок неотвратимо приближался.

Со страшным скрежетом колымага затормозила, поравнявшись со спутницами.

– Ну, вот я вас и нашёл! – из окошка высунулась взъерошенная голова преподавателя музыки. – Я уж думал, вы не приедете.

Вета с облегчением вздохнула и не удержалась:

– Ну, Владислав Александрович, и напугали же вы нас!

– А меня нет, – возразила Аля, – только маму.

– Ну да, у страха глаза велики, это ещё моя бабушка любила говорить, – поддержал Алю Кречетов и открыл им двери для посадки. Жигулёнок развернулся, метнулись искры из-под колёс. Машина помчалась в направлении Крюковки.

Дом оказался совсем не дачный. Огромный кирпичный особняк с несколькими отдельными входами затейливой конфигурации, похожий на сказочный теремок. Пребывал он в состоянии затянувшихся отделочных работ. Вета с любопытством рассматривала наглядный результат побед хозяйина на музыкальных конкурсах. Она ещё отметила про себя, какой заботливый и любящий муж этот Кречетов, если построил такой дворец для своей Юлии.

«Уж дом-то её устраивает наверняка, – думала Вета, вспоминая выходку жены музыканта на мастер-классах, – было бы странно, если бы не устраивал. Хотя запросы...»

Она осматривалась и замечала подробности обстановки в доме и мелочи, которые обычно выдают с головой обитателей жилища.

Два десятка пар босоножек и туфель – на высоченных каблуках и с «блестящим» дизайном: стразы, металлические вставки, серебристо-золотистые броши – выстроились на полке в прихожей, как в обувном супермаркете.

Когда зажгли свет в гостиной, лица в лучах ультрафиолета стали жёлто-восковыми. «Странные светильники», – покачала головой Вета, рассматривая плафоны цвета «морской волны накануне шторма».

Зато мягко засветились диван и кресла, облачённые в накидки из выбеленного льна, и такие же занавески на огромных окнах.

Посередине гостиной, справа от окна, красовался рояль. Именно к нему сразу направился Кречетов.

– Аля, ты не очень устала? Может, позанимаемся? – спросил он присевшую на краешек дивана замученную Алю.

– А соседи? – последовал наивный вопрос ребёнка.

– Соседи? – не сразу понял Кречетов. – Соседи... привычные! – махнул он рукой, не желая объяснять, что соседям за такими стенами ничего не слышно, не то что в современных многоэтажках.

Пока Аля доставала ноты из сумки, Кречетов разбирал завалы нот на поверхности рояля и переставлял на столик перед зеркалом посторонние предметы. Флаконы с лаком для волос разной степени фиксации выстроились, потеснив на столике причудливые пузырьки с духами.

Кречетов же сразу включился в процесс. Он отработывал

с Алей этюд по тактам, добиваясь точности пальцев. В ноктюрне Шопена придирчиво отлаживал фразировку. Значило это, что сегодня у него хорошее настроение.

А бывало, он приходил на уроки с газетой «Советский спорт» и бутылкой фанты или кока-колы. Тогда на все сто можно было быть уверенным, что, развернув газету и уткнувшись в неё, он так и просидит, слушая игру ученика. Потом он обычно нехотя вставал, лениво обходил рояль, открывал окно, закуривал и, сделав первую затяжку, говорил, расставляя слова:

– Ну, ты, Петя, понимаешь, что это плохо? Ты играешь неталантливо. А надо играть талантливо... Чтобы всем хотелось тебя слушать, я ведь уже объяснял, как надо, а ты...

И занудству конца-края в таком случае не было видно. Потом Кречетов усаживался за второй рояль и начинал играть куски, а порой и всё произведение целиком, при этом лицо его было обращено к ученику и выражало вопрос: «Видишь, как надо? Слышишь? Вот так и ты делай! Теперь ты повтори всё в точности, как я показал. Это же просто! Чистое обезьянничанье! Хочешь научиться играть, как я – смотри на мои руки и повторяй, лови музыку с рук!»

Напоследок Владислав Александрович вручал бедолаге ноты и скучным пергаментным голосом говорил:

– Учи, как я тебе сказал. А так – ничего, всё уже лучше. Пока!

И попробуй пойми – неталантливо или уже лучше?

Раздражение, недовольство его как преподавателя посещало всё чаще.

Сегодня газеты не было.

Вета продолжала незаметно исследовать окружающее пространство. И наткнулась на коллекцию дисков. Собрание концертов Владимира Горовица, Марты Аргерич, Эмиля Гилельса. Отдельным блоком Святослав Рихтер и записи Клаудио Аррау. Были записи и самого Кречетова, сделанные где-то в Америке. Попался на глаза диск Добрышева с произведениями Чайковского. Несколько дисков с восторженными надписями: «Учителю...» И немного в стороне лежали записи групп «Ленинград», «Кино», «ДДТ», «Агата Кристи» вперемешку с Beatles, Queen, Kiss, Led Zeppelin, Pink Floyd.

«Любопытно, – подумала Вета, – он что, ещё и роком увлекается? Вроде возраст уже не подростковый. Это лет в пятнадцать-шестнадцать – шумелки, тусовки...»

Она оторвалась от коллекции, и взгляд её упал на предмет, выглядевший здесь неуместно: в углу, за роялем, прятался синтезатор. «Неожиданно, – отметила про себя. – Зачем он тут?»

Кречетов между тем краем глаза наблюдал за мамой ученицы и, перехватив её удивлённый взгляд, пояснил:

– Иногда сажусь пофантазировать. Мой друг увлечён современной музыкой, попросил помочь.

– Вы ещё и музыку пишете?! – изумилась Вета.

– Да нет, хотя когда-то даже сонату написал, ещё в школе.

Конкурс юных композиторов выиграл. Потом забросил. Переключился на исполнительство. Надо бить в одну точку, если хочешь чего-то достигнуть, – расфилософствовался вдруг Кречетов.

– Я где-то читала, что дар сочинительства надо успеть поймать до восьми лет, потом он начинает угасать, – вспомнила Вета совет какого-то музыканта.

– Наверное. Мне больше нравится вживаться в чужую музыку – так, чтобы почувствовать её, как свою. А моему другу я редактирую тексты, которые он сочиняет, – пианист подошёл к синтезатору и проиграл какую-то замысловатую мелодию.

Вета уважительно покивала головой:

– У вашего друга... очень своеобразный талант. Но музыка... – как бы это выразиться? – притягательная!

– Да, этого у него не отнять, – с усмешкой подтвердил Кречетов. – Кстати, который час? Мне ведь надо ехать! – спохватился он. – Аля, ты всё поняла? – обернулся он к ученице, старательно заучивавшей новые пальцы в этюде. – Если хочешь, ещё позанимайся на рояле. И не забывай про нон-легато в этюдах.

– Что, все этюды так и играть нон-легато? – похныкала вымотанная девочка.

– Пока да, – Кречетов налил из бутылки воды и выпил большими глотками, клацая зубами о край стакана.

В это время на лестнице со второго этажа раздался то-

пот торопливых тяжёлых шагов, и в гостиную ворвался внушительных габаритов заспанный господин в самом расцвете сил.

– Влад! Уже время! Нам пора! – накинулся он с ходу на Кречетова. Потом повернулся к Вете и расплылся в улыбке.

– О, а вас я знаю, милая особа! Вы сидели впереди, когда господин Кречетов изволил побезобразничать. Помните прошлое лето? Большой зал консерватории? Ну вот, я за вами наблюдал...

Лёничка (а это был он) расхаживал по гостиной, рассказывая в подробностях о тогдашней реакции Веты, и с удовольствием изображал портреты сидевших в зале.

Вета смутилась и забеспокоилась, как на всё это отреагирует Кречетов: приятно, что ли, когда тебе напоминают о поражениях?

Но Кречетов, казалось, был неуязвим.

– Ну, вы тут поговорите, – не обращая внимания на болтовню многословного дружка, распорядился он, – а я пойду переоденусь. Только ты давай сильно не матерись, тут дети, – и, уже скрываясь за дверью, добавил: – Ты хоть представься...

– Понял! Без вопросов! – бросил Лёничка и с интересом переключился на Алю, которая продолжала отрабатывать этюды за роялем: – Это дети? Да ей уже завтра замуж выходить, – объявил он своё мнение неведомо кому.

И живо спросил Алю:

– Как тебя зовут?

– Меня? Аля! А вас? – не ступевалась юная пианистка.

– Аля, аленький цветочек, – не сразу ответил на вопрос Леонид. Он обошёл вокруг рояля, мурлыкая и жмурясь, как толстый кот, нажал несколько клавишей на синтезаторе. – Значит, у Владислава Александровича учитеесь? Вам повезло, Алечка, он классный музыкант. А меня можете называть просто Лёней. Если полностью, то Леонид Беленький, друг детства и однокурсник вашего Владислава Александровича. Если возникнут проблемы, рад буду помочь аленькому цветочку.

Лёничка кружился вокруг Али, демонстрируя себя во всей своей необъятной красе.

– Жена у него строгая, – внезапно переключился Лёничка, словно предупреждая, и приземлился на диван рядом с Ветой. – И даже не столько строгая, сколько капризная и взбалмошная. Завтра она из концертного турне возвращается. Так он, – Лёничка указал двойным подбородком на дверь, за которой скрылся Кречетов, – сегодня с утра порядок наводил, паркет натирал. Только бы Юлечке угодить. Вы её знаете? – вопрос был адресован обеим слушательницам.

– Видели на мастер-классах, – сдержанно ответила Вета.

– Красивая! – добавила Аля.

– Красивая, – поддакнул Леонид. – На это он и попался. А оказалась... Как говорит наш драгоценный Владислав Александрович, «не жена декабриста». Вот только провалил он

этот конкурс дурацкий, и вся любовь её закончилась. А между прочим, Влад ей на последний свой гонорар купил новенькую машину. Видели, там, во дворе стоит, серебристая такая? Он же её и научил по Москве ездить. А жигуль видели отработанный? Весь побитый, – Лёня замолчал, ожидая реакции.

Что правда, то правда. Вета вспомнила, как страшно удивилась, когда они с Алей сели в жигуль Кречетова. В салоне и снаружи живого места не было: вмятины, замазанные краской царапины, неродная фара, лобовое стекло со следами «бандитской пули»...

– А кто Юлечку раскрутил как пианистку? – продолжал Лёничка. – Кто ей концерты делал? Эх, женщины, всё вам мало! Теперь только о деньгах разговоры, что их не хватает, не хватает, не хватает! – экспрессивно размахивал руками и пыхтел толстяк. – Юлечка привыкла жить в роскоши и достатке. Вся семья у неё, начиная с бабушек-дедушек – знаменитые музыканты, целый оркестр, все они ходят гоголем, – Леонид встал в позу дирижёра и живописно изобразил этих гоголей, тонкие малиновые губы его скривились в надменной усмешке, – а Кречетов кто? Простой русский мужик, хоть и талант. И прадед его – тамбовский воевода, – и взволнованный рассказчик разочарованно развёл руки в стороны. – Юлька ставку на него делала, да вот не вышло. Теперь всё её раздражает. А мне за друга обидно! – его цыганские глаза под кустистыми бровями блеснули слезой. – В

России издревле таланты пропадают.

Странное впечатление производил Лёнечка. То, что он был умён и эрудирован, не вызывало сомнений, то, что артист и себе на уме, было ясно как белый день. То, что с Кречетовым у них странная дружба, на этот счёт мысли лезли в голову Веты нехорошие. И уж конечно, надо с ним быть поаккуратнее.

– А вы тоже пианист? – спросила осторожно Аля. По всему, этот экспансивный человек вызывал у неё смутные опасения.

– Мы вместе с Владиславом Александровичем учились у профессора Добрышева, а потом... Хотите, я вам что-нибудь сыграю? – экс-пианист поднял крышку рояля, сел на стул, откинул длинные волосы артистичным жестом назад, занёс руки над клавиатурой...

Но в этот звёздный момент в гостиной появился Кречетов.

– Ну, артист, поехали! А вы, – обратился он к Вете, – остаётесь здесь, как договорились. Рабочих я проводил, они придут завтра рано утром. Боюсь, что я не успею вернуться к тому времени, – уверенность, что Вета поступит именно так, как он придумал, звучала в голосе хозяина дачи. – Спать вы с Алей будете здесь, – он отворил дверь, за которую уходил переодеваться.

За дверью обнаружилась комната, почти всё пространство её занимала двуспальная кровать, накрытая ярким покрыва-

лом.

– Бельё здесь, – Кречетов выдвинул ящик прикроватного комода. – Разберётесь. Дальше... – он жестом позвал за собой и направился в ту часть гостиной, которая была скрыта от посторонних глаз. Это было продолжение помещения, удачно обустроенное под кухню.

– Чайник вот. Холодильник вот. Микроволновка. Знаете, как пользоваться? Вы не знаете, как пользоваться микроволновкой?! – Кречетов посмотрел на Вету с удивлением и разочарованием, как на представительницу первобытного племени.

– Да как-то не возникало необходимости, – стушевалась Вета: нелепость – по микроволновке судить о ней как об отставшей от жизни. Ну а если и впрямь ей эта микроволновка ни к чему?! Она предпочитала варить овсянку по утрам в эмалированной кастрюльке. Еда из микроволновки казалась ей безвкусной. И что-то не верилось в абсолютную безопасность этих самых микроволн. – Думаю, Владислав Александрович, она нам не понадобится.

Кречетов пожал плечами:

– Дело ваше.

– Во сколько вас завтра ждать? – спросила Вета. Беспокойство звучало в её голосе.

– Как рак на горе свистнет! – не упустил возможность вставить слово Лёничка. Он уже стоял на выходе и, размахивая руками, жонглировал сигаретой.

– Лёнь, хватит людей пугать. Думаю, к двенадцати дня приеду. Идёт? – ответил Кречетов вопросом на вопрос Веты.

– Хорошо. Тогда Аля позанимается?

– Я же сказал, пусть занимается, – и заглянул в спальню, где девочка в наушниках слушала музыку, закачанную на телефон, пока все суетились. – Аля, слышишь? Занимайся! Приеду – проверю, – уже из прихожей.

Он набросил светлый плащ, вытащил из замка связку ключей. Отцепил один, протянул Вете:

– Закрывайтесь. Да, совсем забыл! Мой телефон вы знаете? – он скинул туфли, вернулся в гостиную, отыскал на рояле листок бумаги и карандаш, которым обычно прописывал, какими пальцами играть ноты. – Телефон милиции, – Кречетов вывел номер.

Пальцы у пианиста дрожали, и цифры вышли ломаные.

– На всякий случай мобильный моей тёщи, если вдруг до меня не дозвонитесь, – Кречетов взглянул на Вету и поймал её настороженный взгляд. Он сконфузился:

– Да ладно, не пугайтесь! Всё будет хорошо. Это я так, на всякий случай. Нас проводите и закройте ворота.

Было понятно всё, кроме одного: куда уехал хозяин. Оставалось выполнять миссию сторожей. Пока Вета разбирала постельные принадлежности, Аля обнаружила на цветастом покрывале томик с приключениями Гарри Поттера и с удовольствием растянулась на кровати.

– Как здорово! Мы одни в огромном доме! Когда у нас

такой будет? Сейчас я немножко отдохну, а потом ещё позанимаюсь, – Аля придвинулась к Вете, присевшей на кровать, и обняла её за шею. – Ма-мо-чка!

– Слушай, – поцеловала дочку Вета, – это как же надо играть, чтобы на такой дом заработать! Сколько сил! Как в себя верить!

– Ничего, мамочка, надо просто делать своё дело, и всё получится! Папа так говорит.

– Конечно получится, Алечка! – прижала дочку к себе Вета. – Если долго мучиться... – сказала она уже себе. – Пошли хоть чай попьём, – заставила себя подняться. – Пока бутерброды не засохли. Интересно, кто здесь читает «Гарри Поттера»? – донеслось до Али уже из импровизированной кухни.

– Кто-кто! Владислав Александрович, кто ж ещё! Он, между прочим, похож на Поттера, особенно когда в очках, и причёской тоже, только он Гарри Поттер – блондин. Это мне ещё Ласточкина говорила. И такой же умный. Вот ты знаешь, что такое золотое сечение? – Аля приплелась на кухню и села за стол, подперев кулаками щёки.

– Слышу звон, да не помню, где он, – может быть, в школе что-то такое изучали.

– А Кречетов говорит, что все гениальные произведения построены по принципу золотого сечения. Это такое соотношение частей по длине. У Бетховена, например, и у Шопена все произведения так написаны.

– Кстати, когда ты родилась, – погладила Вета дочку по шелковистым волосам, – и тебя впервые увидел твой дедушка, он сказал, что ты золотой ребёнок. Так и сказал. Потому что, говорит, всё как надо, ни прибавить, ни убавить. А дедушка в пропорциях толк знал. Во время войны он был подростком и работал модельщиком оружейных снарядов на военном заводе. Там нужен глаз-алмаз...

Рассказ прервал телефонный звонок. Вета растерянно озиралась в поисках трубки: как-то за весь долгий вечер домашний телефон на глаза не попался.

– Мама, – заёрзала на стуле Аля, – давай не будем отвечать? Вдруг это родственники, а мы тут?

– А если это Владислав Александрович? Может, он мой номер забыл? Только где же трубка? – металась по комнатам Вета.

В конце концов Аля отыскала трубку радиотелефона всё там же, в спальне на комодe, за бесчисленными флаконами. Телефон разрывался настырными звонками – кому-то очень надо было, чтобы в этом доме ответили.

– Ну что делать? – мялась Вета. – Ладно, отвечу, – нажала она кнопку. – Да!

На том конце низкий грудной женский голос удивлённо поинтересовался:

– Кто это?

Вета тут же отключила телефон, мгновенно вспомнив, где она слышала этот примечательный голос.

– Мама, ты что?! – непонимающе спросила Аля.

– И зачем я трубку подняла! – с досадой воскликнула Вета. – Это его жена! А что мы ей скажем? Пусть думает, что не туда попала. Она же может найти его по мобильному – ну, вышел человек, нет его! Нам сказали дом сторожить, за рабочими последить! – вконец потерялась гостья. – Вдруг Владислав Александрович не сказал Юлии, куда уехал, раз она сюда звонит? А мы что скажем? Мы сами не знаем, куда они с этим Лёничкой на ночь глядя укатили!

Телефон зазвонил снова. Вета поморщилась.

– Ну вот, его жена думает невесть что! Я бы тоже думала! – стала она разливать чай по чашкам. – Дурацкая ситуация: кто-то сидит в твоём доме, тётка какая-то, бросает трубку наглым образом, а ты ничего не можешь поделать и ломаешь голову, где и с кем твой муж. Аля, давай попьём чай и ляжем спать. День сегодня какой-то бесконечный и сумасшедший. Надеюсь, завтра всё будет ясно и понятно. Или ты ещё заниматься будешь? Время первый час!

– Давай, мамочка, спать ляжем, – отозвалась Аля, аппетитно зевнув над чашкой с чаем. – Утро вечера мудренее, а то у меня уже голова кругом идёт. Лучше завтра позанимаюсь пораньше. Хорошо, что воскресенье, уроков нет.

У неожиданных дачных постояльцев не осталось сил даже на то, чтобы вымыть чашки, – вот она, заполошная московская жизнь! Сложили посуду в раковину до утра – всё равно рано встречать рабочих. И, наскоро умывшись и отзвонив-

шлись главе семейства, они с Алей выключили свет и утонули в успокаивающей тишине загородного дома.

– Тащи быстрее, тебе говорят, етить твою налево! Ну и тя-жесть! – услышала Вета сквозь сон мужской голос и окончательно проснулась уже от скрежета и скребущего звука, как если бы волокли по асфальту кусок металла. – Дрель не забудь, ты, недоносок! И аппарат, которым плитку нарезаем! Понял? Мы тебя за воротами ждём!

– Ёшкин кот! Ворота заперты...

Вета отодвинула занавеску и посмотрела во двор. Взгляд упёрся в кирпичный забор и неразработанный участок, засыпанный опавшими листьями, особенно жёлтыми в свете хмурого седого утра, только скинувшего туманные покрывала.

– Ну что ты там застрял?! Быстрее! Уже петухи откукарекались! – тот же сдавленный голос кого-то подгонял, наверно, «недоноска». – Вот свяжись с таким недотёпой! Может, нам его здесь оставить? Пусть он с этой бабой цемент намешивает, плитку кладёт, а то пианисту некогда ей подсобить. Ха-ха!.. – далее последовала цветистая скабрёзность. – Ей бы только носом всех тыкать: то не так, это не эдак. Прорабша, блин! Наконец-то! – переметнулся голос опять на невидимого «недоноска».

И тут возникла фигура того, кого так называли: длинная, тощая, на тонких полусогнутых ногах, с вытянутым бледным

лицом и огромными ушами, торчащими из зарослей рыжих волос. Парень был смешной, но ситуация совсем не забавная: рабочие, перебрасывая хозяйские инструменты через забор, вслед за ними в спешке перелезали сами.

Вета кинулась было к дверям, чтобы выскочить во двор и остановить неожиданный исход рабочих. Однако двери были заперты, а ключа в замке не было. Поиски ключа оказались безуспешны, его точно домовый заиграл.

Мобильник Кречетова был вне зоны доступа. А во дворе тем временем воцарилась тишина. Будто голоса, скрежет и лопухий парень ей приснились. К сожалению, дурные предчувствия хозяина дома сбылись.

«Смирись с тем, чего не можешь изменить». Бросив поиски ключа, с тяжёлым чувством Вета забралась под одеяло и долго ворочалась.

Будильник прозвонил в девять. Вета вскипятила чайник, залила овсянку из пакетика – вот они, советы бывалых мам пианистов: таскать в сумочке запас продуктов на всякий случай, – заварила чай. Завтрак готов. Пора было будить Алю.

– Аля, вставай, рояль ждёт, – заглянула она в спальню, – а то скоро Владислав Александрович...

Её прервал резкий звонок телефона.

– Вам осталось подождать часа два, – съязвила Вета невидимому абоненту, взглянув на часы.

– Что-то мне всё это не нравится! – заспанная Аля шмякнулась на стул возле тарелки с кашей. – Смотри, что я нашла!

Под подушкой! – в её руке был ключ от входной двери.

– Ой! Я его всё утро искала! Тут такое было!.. – Вета начала в подробностях описывать дочери утреннее приключение. – А Кречетов недоступен, – закончила она свой рассказ.

– Везёт нам! – только и сказала Аля.

Через час они были готовы к выходу. Ученица наконец выровняла этюды, выстроила музыкальные фразы в ноктюрне и занялась разбором новой сонаты, чтобы не терять время до возвращения учителя.

Было почти двенадцать, когда в дверях раздался щелчок: кто-то открыл входную дверь снаружи.

Глава 6. «Хайды» и «Джекилы»

Кречетов лежал на диване в старой московской Лёначкиной квартире. Квартира досталась Лёначке от бабушки, по наследству. Та в своё время была известной пианисткой и мечтала видеть внука на сцене за роялем. Мальчик был слаб здоровьем, и с бабушкой согласились: увы, дедушкину карьеру генерала внучку не повторить. Лёначку отдали в главную музыкальную школу страны. Там они с Владом и познакомились. Бабушка Влада тоже была не чужда искусству. В школу его привела бабушкина приятельница, артистка музыкального театра, обнаружив у мальчика неординарные способности пианиста. Сам Кречетов думал, что лучше бы в футбол играл: стал бы российским Марадоной, валялся бы сейчас не на скрипучем диване, а на песочном пляже Лазурного Берега.

Кречетов маялся в ожидании «доктора Айболита» и грыз ногти. Сколько он себя помнил, столько с ним была эта привычка. Когда-то в детстве он грыз ногти, чтобы перебороть волнение перед выходом на сцену. Ещё – когда отец порол его ремнём за невыученные уроки. Ещё – когда злился, что их команда пропустила очередной мяч в ворота. Когда мучился, что одноклассница Танька на перемене о чём-то оживлённо болтает с его другом, молчуном Тимошей. Он обгрызал ногти, когда не в силах был удержаться на плаву в

водоворотях собственной жизни.

Ему было плохо со вчерашнего дня. Его тошнило, трещала, как сдавленный арбуз, голова, сердце колотилось о рёбра, как рыба об лёд, и он вызвал Михаила. За прошедшие сутки жизнь Владислава в очередной раз кардинально изменилась. Провал на «чайнике» сбросил его с олимпа, а теперь ему дали под дых – он брошенный, никчёмный муж. И пнули под зад – он по уши в долгах. Бывший «везунчик» лежал на диване, глядел в потолок, грыз ногти и осмысливал ситуацию. Мешала ему головная боль и остатки молекул неразложившегося коньяка, туманящие сознание.

...Он вырубил мобильник, как только они с Лёнкой сели в жигуль и выехали за ворота дачного дома. Будто расцепил чьи-то клешни – сбежал от всего того, что душило его последние месяцы: работа, ученики, начальство, раздражённая Юлия, недовольная тёща, безденежье.

Да, именно здесь зарыта собака! В безденежье!

И Юлия, и её родственники смотрят на него уничтожающе: зять – что с него взять – нищий неудачник. Когда он поддался-таки на уговоры Леонида отдохнуть и сел в машину, чтобы ехать, куда дорога вывезет, вместе с врывающейся в окно ночной свежестью ощутил забытый запах свободы.

Ему было хорошо! Где-то далеко ученики – пусть поспекают, больше ценить будут его уроки. Рабочие, которых на него скинула тёща: хотят заработать – пусть вкалывают. Тёща с нравочениями, которая последнее время только и зна-

ет, что встречается в их с Юлией жизнь, – пусть отвянет. Рояль вряд ли кому из деревенских нужен, разве что на дрова. А в доме пока и воровать-то нечего. Если кто сунется, – там люди. Главное, с женой договорился, что встретит её завтра в аэропорту Шереметьево.

Да, он клюнул на приманку Беленького: расслабиться и заглянуть в казино. Чем чёрт не шутит, авось повезёт? Доходов у него особенных теперь нет, если выиграет – лишними не будут.

Теперь он валялся на диване и вспоминал, как совершил не одну, а целых три ошибки. Повёлся и увеличил ставку во время игры, хотя знал, что этого делать нельзя! Чёрт его дёрнул!

Ставка в десять, потом двадцать, потом пятьдесят долларов! И раскрученный маховик выигрыша предательски развернулся в обратную сторону – деньги неудержимо потекли назад в казино: ловушка для дураков начала действовать.

А повёлся потому, что жаба душила: чего мелочиться!

Выпендрился, кретин! А то не знал, что такое казино! Всё ещё мерещится, что это золотиносная жила для тебя? А то ты не догадывался, для чего изобрели это заведение!

А ещё хитрый Лёнька подсунул свой бокал с коньяком: «Старик, расслабься! Что ты такой напряжённый?»

А ему и впрямь не по себе: не любит он эти игры. И зачем согласился?!

После второго бокала голова пошла кругом: ставка за

ставкой, вот-вот ухватит фортуна за хвост!.. Как бы не так! Проигрыш следовал за проигрышем!

Он и сигарету докурить не успел, как карманы опустели.

Лёнька – тут как тут, подсуетился: возьми, мол, мои, глю-по останавливаться на полдороге, мол, совсем чуть-чуть, и чёрная полоса закончится!

И что? Сколько он теперь должен драгоценному дружку? Чёрт его дёрнул! И ведь не простит никогда...

Сидел бы дома, занимался. Через два месяца концерт с Катей в Японии, а это очень хорошие деньги. Это ещё Кате спасибо сказать надо, что забыла обиды, другом тебе осталась. А ты клюнул на лёгкую наживу! Теперь в полной... короче, лаже.

Но этого мало! Юлия! Вот почему сегодня так не хотелось просыпаться! Как же это всё... по-дурачки! Теперь он потерял её окончательно. Хотя почему – теперь? Давно потерял. Как раз тогда, когда ночевал на Тверском на лавочке. И во-все она его не выставила, как ходят слухи. Он сам ушёл! Посмотреть бы на вас, когда ваша жена вам такое устроила!

Кречетов мысленно собрал тот вечер в маленькую картинку и швырнул прямиком за окошко, – как советовал избавляться от ненавистных эпизодов жизни знакомый психотерапевт.

А дальше – агония того, что называлось их семейной жизнью.

Тут Владислав вспомнил, как в какой-то момент – не в

тот ли злосчастный вечер перед последним туром? – он почувствовал, что Юлии с ним скучно, она его слушает и не слышит, не тянется к нему, как раньше, играя глазами, что раздражает её каждая мелочь: «Убери чашки с рояля! Опять свои тапки раскидал!» Уроки с учениками выводили Юлию из себя. А дверь квартиры и правда не закрывалась: кому-то поступать, кому-то концерт играть, кому-то экзамен сдавать.

А ей хотелось блеска, увлекательных поездок, фешенебельных гостиниц, экзотических ресторанов. Так, как это было там, в Америке, когда ему несказанно везло и он мог выполнить любой её каприз.

И вот это всё закончилось. И серые будни стали реальностью. И то, что он не встретил её в аэропорту, было досадной случайностью, поводом, а не причиной разрыва. Кто мог подумать, что она зачем-то поменяет билет и прилетит раньше?!

А он что, должен сидеть неотлучно в доме, как прикованный к скале Прометей? Так и сидел почти месяц на этой даче! Все работы на нём, рабочие, расчёты...

И вот результат. Юлия запустила в него босоножкой со стразами: «Убирайся к своей бабе!» До сих пор от шпильки синяк на плече.

Он вначале не понял – о ком это она?! Потом его свело судорогой от смеха: «Ты с ума сошла! Это же мама ученицы! Я их попросил остаться до утра, за домом последить, пока вернусь, а тут ты! Напугала женщину с ребёнком до смерти,

мне их даже жалко!»

Этим он только масла в огонь подлил.

«Ах, ты ещё и жалеешь их! – взвилась Юлия. – Ну так вали к этой интеллигенточке! То-то она тебя защищала!»

Далее последовало красочное описание встречи в загородном доме.

Ну и что с того, что Вета культурно себя вела, защищаясь от ревнивой хозяйки? Из-за этого он должен сваливать?

Он и свалил. Прямоком к Лёнечке, где сейчас лежит на диване и пялится в белённый извёсткой потолок. Ему противно и тошно от всей этой мышинной возни. Только вот перед ученицей и её мамой стыдоба.

На самом деле Кречетову было, конечно, далеко не всё равно, что его выставили. Но известно – коли «тебя не хотят», то – крутись хоть как уж на сковородке, – ни черта не выйдет: ты обречён. Он был обречён сразу, как не стал лауреатом «чайника». И вот всё наконец закончилось.

Мрачные думы спугнул резкий звонок в дверь.

– Кто там? – Лёнечка выкатился из своей комнаты, круглый, как футбольный мяч, и покатился к дверям. Послышались путанные объяснения Михаила, что он, мол, должен помочь...

Кречетов крикнул, не вставая с дивана, – лень сегодня была сильнее условностей:

– Лень, это ко мне! Впусти доктора! Если хочешь, чтоб... я тебе долг... отдал!

– Ты бы предупредил, что ли, а то я на человека набросился: не туда попали, мол, – хлопотал Леонид вокруг смущённого визитёра. – Вот тапочки, проходите, проходите, вот он, наш потерпевший, – последние слова Лёня произнёс явно с подтекстом.

Кречетова передёрнуло: «Друг называется! Вогнал в долги и доволен! Вот гад! Нельзя идти у него на поводу».

– Привет, шеф! – в комнату вошёл Михаил, остудив уютной уравновешенностью закипевшую было в груди пианиста обиду на дружка.

– Привет, док! – ослабевшая рука «потерпевшего» с трудом оторвалась от поверхности дивана и зависла в воздухе навстречу «Айболиту». Следом тянулся исполненный мольбы взгляд страдальца – спасай меня, док, совсем мне плохо!

– Артист! У тебя сегодня драма или комедия? – Михаил снисходительно улыбался, глядя, как «мнимый больной» закатывает глаза и прощупывает себе пульс.

Он притянул стул от пианино и сел, откинувшись на спинку, с громким выдохом – «уф-ф!» – сегодня он не спал с пяти утра, и музыкант развернул его с полдороги к дому. Но пациент, как учили, всегда прав, Михаил не мог отказать в помощи, сославшись на усталость. – Слушаю твои жалобы, шеф.

– Лё-ёнь! Иди сюда! – позвал капризным голосом Кречетов и повернулся к доктору: – Сейчас, подожди, вы же не знакомы?

– Ну, скорее нет, чем да, – Ольшанский не стал рассказывать, что был наслышан от Веты и Али о загадочном персонаже на даче.

Лёня возник неслышно и уже сиял радушной улыбкой, как начищенный накануне старый бабушкин чайник.

– Вот он я!

– Лёнь, это Михаил. Ми-и-ша. Мой личный... доктор. Прошу... любить... то есть... не обижать. Док! Это мой давнишний друг Лёнька. Мы с ним вместе под рояль... под стол ходили. Он умеет всё: хочешь, Третий концерт Рахманинова, твой любимый, прям щас сыграет, да, Лёнь? А хочешь – сбациает импровизации на импровизации Армстронга. Ещё он почти миллионер! Не то что я. Хоть мы учились у одного профессора. Вот так. Он, понимаешь, как это? А! вот: перешаг... нул, ага, через... себя, а я не могу. У меня такой... способности нет. Поэтому я... в общем, знакомьтесь.

Хмель ещё не окончательно покинул голову Кречетова. Слова застревали у него между зубами. Или где-то на выходе из мозговых извилин.

Пухлая кисть Леонида незамедлительно рассекла пространство, разделяющее их с Михаилом, и тому осталось только привстать, чтобы подтвердить крепким рукопожатием дружеские намерения.

Лёня показался ему очаровательным, если это слово применимо к оценке одного настоящего мужчины другим настоящим мужчиной. «Но жук ещё тот!» – отметил про себя Ми-

хаил. Тонкие малиновые губы Лёнечки растягивались, как резиновые, в безразмерной улыбке, глаза колко прощупывали: «Знаем вас, докторов, щас начнёшь лекцию читать...»

Когда церемония знакомства с другом детства закончилась, и тот, мурлыкая, продефилировал куда-то в глубины апартаментов, врач уже серьёзно обратился к несчастному пианисту:

– Ну, рассказывай, Влад. А то я тоже устал сегодня. Набегался, как солёный заяц. А народ – как пил, так и пьёт. Ты хоть меня не огорчай. Короче, валяй. Постой, руки вымою! Где? Понял! – через несколько минут «док» вернулся с закатанными рукавами рубашки. – Ну что, начнём?

Кречетов рассказывал о разорительном походе в казино и об устройстве хитроумной ловушки для «лопухов». Тем временем доктор извлекал из сумки диковинные предметы и раскладывал на пианино. Лежащий под хмельком периодически сбивался с рассказа и настороженно спрашивал: «Что это?» Коротко и буднично звучал ответ: «бабочка»... система... физраствор... Нет другого средства быстро привести перебравшего в подобающий вид, как хорошая капельница.

– Так, Влад, ты, главное, не дёргайся, чтоб я из вены не вышел. Потом полежишь спокойно и через пару-тройку часов будешь как огурчик.

– Значит, я опять смогу пить коньяк? Ведь мой организм... того... очистится? Вот молодцы доктора! Хорошо придумали! Почистился – и пей себе на здоровье! – хохмил

Влад, пока Михаил привычными движениями прикреплял банку с физраствором в держателе из половинки пластиковой бутылки к запылённой бронзовой люстре.

Через несколько минут «процесс пошёл», как говаривал один известный политический деятель.

Кречетов долго не засыпал, несмотря на слоновьи дозы снотворного. Он то лежал в некоей прострации, то вдруг вспоминал какой-нибудь анекдот и в возбуждении рассказывал его Михаилу. Постепенно землистость лица его сменилась лёгкой бледностью, потом щёки порозовели. Спадала пастозность, взгляд прояснялся, высвобождаясь из алкогольной дымки, исчезала спутанность мыслей и спотыкание слов, выравнивалось настроение.

Михаил невольно проводил аналогии между своим подопечным и героем «Странной истории доктора Джекила и мистера Хайда» Роберта Стивенсона. Чудовищные перевоплощения двойственной человеческой природы наблюдал он, выводя своих пациентов из лабиринтов опьянения к протрезвлению. Вся печаль состояла в том, что ничем, кроме временного облегчения, помочь было невозможно. Ни Кречетову, ни всем остальным «джекилам», с неудержимой силой губительного пристрастия перевоплощающимся в «хайдов». Он знал одно: спасти этих несчастных, попавших на крючок злодея в облачении добродетели, а попросту яда, каким является алкоголь, может только край пропасти, куда неумолимо тащит их этот самый крючок. Там, на краю про-

пасти, на границе, разделяющей «быть» и «не быть», обманутый алкоголем обречённый внезапно содрогнётся, очнувшись, и замутнённое сознание его прострелит мысль: «Это конец!»

Для очень немногих этот край становился началом новой жизни.

Остальные... Их просто нет.

Глядя на неискущённого благодушного пианиста, Михаил понимал, что тот в самом начале пути к пропасти, но уже на крючке. Для музыканта выпивка – забава от безделья. Без концертов он вроде Ильи Муромца, посаженного на печку во всех доспехах и дородности. И тесно, и разморило, и лениво, и драконов – пруд пруди, только – что мне за это? А не повалять ли дурака?!

– Док, как мне уснуть? Я не сплю ночами! Мне снится один и тот же сон: я играю Концерт Чайковского, и вдруг сцена подо мной проваливается, и я лечу в чёрную дыру вместе с роялем. Публика хохочет, и жутко мне, будто не люди это, а сборище чертей, и воздуха не хватает...

– Поэтому ты пьёшь коньяк, – подытожил Михаил.

– Не только. Например, не хочу думать о том, что жена подала на развод. Я даже знаю, к кому она ушла. У него толстый-претолстый... кошелёк! Мне противно. Будто я для неё ничего не сделал! Сколько денег я на её задницу спустил, ты бы знал. Всё по салонам... ик... всё массажи... ик, – икал пациент. – А коньяк на ночь... Лёнька, туды его растудить. Го-

ворит, при бессоннице помогает. Помогает, – кивал он непослушной головой, – выпьешь граммов сто пятьдесят и потихоньку проваливаешься. А если устал до чёртиков, то... не в пропасть на сцене, а в какие-нибудь облака летишь. Как в детстве. Да так хорошо! – дёрнул он руку с прикреплённой «бабочкой», пытаюсь нарисовать облака.

– Тише! – шикнул на него Михаил, как на маленького, и проверил, не вышла ли игла из вены.

– Только наутро голова тяжёлая, как чугунок, и наизнанку выворачивает, – жалобно закончил Владислав.

– Я уже говорил: вам противопоказано, – вздохнул доктор и заменил опустевшую банку из-под физраствора флаконом с глюкозой, затем заправил шприц очередным лекарством. – Дедушкина гипертония – ваше наследство. И потом, – Михаил, прищурившись, посмотрел на Влада, – я уверен, что у тебя что-то не то с алкогольдегидрогеназой.

– С чем с чем? – не понял Кречетов.

– С алкогольдегидрогеназой... Это такой фермент, который расщепляет алкоголь. Так вот, у тебя его недостаточно, а может, и вовсе нет, как у сахалинских гиляков и охотских эвенов.

– И что? – заинтересовался больной возможными последствиями своего пристрастия к коньячку, которые на самом деле он уже хорошо на себе чувствует.

– А то, что ты голая мишень для алкоголя. Коньяк и всё такое, даже пиво – для тебя абсолютный яд.

– И что??? – насторожился Кречетов.

– А то – печени твоей хана и тебе тоже. Короче, хочешь играть концерты – играй, не хочешь – пей! Твой выбор, как сегодня принято говорить.

Кречетов задумчиво уставился в потолок. Михаил стал собирать опустошённые флаконы и ампулы в пакет.

В глубине квартиры раздались звуки синтезатора.

– Что это такое? – оторвался от своего занятия Михаил.

– Да Лёньку на новое сочинение пробило, – лениво ответил Кречетов, отгрызая очередной ноготь.

– А-а... – протянул Михаил.

– Лёня – затейник! Музыка у него улётная, но что-то в ней есть такое... А ты не знал?

– Ну здравствуйте! Откуда? А звучит необычно, ни на что не похоже, – оживился доктор Ольшанский. – Я много музыки слушаю, есть с чем сравнить.

– Кто бы спорил... – вяло откликнулся полусонный Влад, закрыв глаза. Он думал о том, что Михаил уже опоздал со своим предупреждением. Руки у него дрожат, как у больного паркинсоновой болезнью, перед учениками неудобно. С разучиванием партий проблема – ничего не запоминается. Партию сонаты Бетховена для скрипки и фортепиано он мучает уже месяц, а финал на репетициях так и не получается, потому что быстрюю музыку играть по нотам труднее, чем без нот. И ему бывает хорошо, сказочно хорошо, когда он выпивает свою вечернюю дозу коньячка, – кажется, ничего

ему больше в жизни не надо.

Сонные глаза медленно приоткрылись и уставились на Михаила. Тот заканчивал укладывать докторскую сумку.

– Ладно, док, пиши свой рецепт. Чёрт с тобой, буду пить таблетки.

– Правильный выбор, – усмехнулся «Айболит» и написал на визитке название препарата. – Всё в ваших руках, – расправил он рукава рубашки.

А уходя, бросил:

– Не шути с этим, Влад.

...В борьбе с самим собой прошли у Кречетова осень и зима. Он долго находился под впечатлением капельницы. Его мучила мысль, что он уже несётся в пропасть, раз пришлось лечь под устрашающую процедуру, иногда вдохновлялся, чувствуя обновление и желание действовать. Но концертов не было, и это обстоятельство давило на него, как могильная плита.

Долг Беленькому, хотя и отложенный до лета, связывал по рукам и ногам. Он не мог себе позволить ни пообедать в приличном заведении, ни даже купить новый портфель: старый, добротный кожаный, приобретённый по скидочным ценам ещё в Америке, не выдерживал тяжести нотных сборников. А он таскал их пачками, аккомпанируя ученикам концерты для фортепиано с оркестром. Ручка портфеля, один раз удачно прилаженная, отлетела вторично. Так что теперь он носил портфель под мышкой, как толстую папку. Замок

же регулярно расстёгивался, и ноты выползали наружу. Сначала он переживал, а потом плюнул – привык.

Настроение улучшилось к весне, после гастролей с Катей в Японии. Концерты прошли с аншлагом. Приглашающая сторона тут же продлила контракт ещё на три года. Кречетов забавлялся, рассказывая, как на одном из выступлений чудачковатая публика, завернувшись в пледы, возлежала на диванах, потягивала сакэ и закусывала сонатой для скрипки и фортепиано Стравинского. «И хоть бы кто поперхнулся», – удивлялся Кречетов. Он и не знал, что у японцев на концертах это не в диковинку.

Потом приподнятое настроение спало, как купол парашюта после приземления, вместе с испаряющимися гонорарами и мыслью о том, что «сольников» нет как нет, а с Катей он всё-таки на втором плане в роли концертмейстера.

После разрыва с Юлией Кречетов сменил несколько квартир и перешёл на домашнюю кухню: раз в неделю приезжала сухая бесцветная помощница по хозяйству Клава и готовила набор из первого и второго, или даже из двух вторых, например, плов и котлеты. Кречетов запихивал кастрюли в морозилку, и до следующего прихода Клавы голова его насчёт еды не болела. Обедал он поздно вечером после возвращения с уроков. Тогда он мог расслабиться и посидеть с тарелкой у телевизора. Например, посмотреть прямую трансляцию какого-нибудь футбольного матча. Частенько приходил Лёнька, и тогда они потягивали пиво, засиживаясь до ночи, – ко-

ньяк пить Кречетов избегал, помня слова Михаила, но пивом баловался – что он, не мужик, что ли!

Потом Леонид вызывал такси и укатывал к себе, а Владислав растягивался на диване в надежде быстро уснуть. И вот тут надвигалась лавина неотвязных мыслей о бесцельности жизни. Потому что музыкант смысл её видел в концертах, а их не было. Он ворочался, переворачиваясь с боку на бок, как советуют специалисты по бессоннице, двадцать раз, считал баранов, прыгающих через ручей, стоял перед открытым окном, чтобы замёрзнуть, а потом уютно завернуться в тёплое одеяло, но и это не помогало. Тогда он принимался пережёвывать жизнь в Америке, когда у него была одна забота – победить на очередном конкурсе. Он и своим ученикам не уставал повторять: «На конкурс надо ехать за победой! Иначе предприятие не имеет смысла».

Он в сотый, тысячный раз совершал виртуальное путешествие по местам своей недавней славы странствующего пианиста. Вот старушка-Европа рукоплещет ему в лучших своих залах. Вот он с первого же концерта становится любимчиком на родине несравненной Марты Аргерич. Это когда порвалась струна на «Стенвейне», – тогда он играл «Тарантеллу» Листа на бис. Ему пятнадцать минут аплодировали стоя. Кстати, через год у него там концерт по ангажементу. В ЮАР он неожиданно стал кумиром – кто бы мог подумать? – как «несравненный исполнитель сочинений Баха». Где-то газета валяется. Слова там мудрёные, типа «в свете чистых кон-

трапунктических линий и всеобъемлющей простоты структуры...» – язык сломаешь. Но играл он точно хорошо.

Такое полоскание его мозгов продолжалось, пока бессмысленность этого занятия не становилась в очередной раз очевидной. Тогда он включал телевизор, досматривал «хвост» какого-нибудь тупого боевика или «порнухи» – что было гораздо веселее – и засыпал часа в четыре утра тяжёлым сном, напичканным сновидениями. То он блуждал по узким тёмным коридорам, то прятался от преследователей в пустых заброшенных домах, то прыгал в пропасть, дна которой не было видно из-за густых смрадных испарений...

Просыпался в холодном поту, разбитый, часов около одиннадцати утра. Пытался прийти в себя, стоя под горячим душем, потом разводил кофе, курил сигарету. Наблюдал из окна, как спешат озабоченные пешеходы и лихачат автомобилисты.

Потом садился за рояль и играл часа четыре кряду. Не только потому, что с головой был завален партиями второго фортепиано, не потому, что аккомпанемент к Катиной скрипке надо доучивать. Свербила мысль: он пианист, его работа – играть на рояле. А уж кому это надо – лучше об этом не думать. Только за роялем он чувствовал себя человеком.

Разыгрывался он на этюдах Шопена. Потом повторял какую-нибудь концертную программу. Потом разучивал что-то новенькое, впрок. Ведь, скорее всего, будут же концерты, что-то же должно измениться!

Потом он обзванивал учеников и уезжал на занятия. В своём старом разбитом жигулёнке. Всё лучше, чем отираться в переполненном вонючем метро. Занятия затягивались порой до полуночи. Если кто-то в это время звонил на мобильник, он отвечал одной и той же фразой: «Сейчас не могу разговаривать. У меня ученик. Я даю урок».

Совсем поздно приходил охранник и шипел: «Время сколько, а? Пианисты, етить твою...» Правда, Влад добился некоторой снисходительности, и охранник последнее время уже не шипел. Теперь он объявлял, появляясь на пороге класса: «Время, господ пианисты, одиннадцать! Закругляемся!»

Перемена от «етить твою» до «господ пианистов» объяснялась просто. Кречетов вернулся с гастролей из Японии и привёз скучающему охраннику гостинец. «Это тебе! Прямо из токийского дьюти-фри! Классная вещь!» Охранник аж поперхнулся, увидев замысловатый, внушительного размера сосуд с искрящимся заманчивым содержимым, завёрнутый в хрустящую тонкую бумажную обёртку.

– Да ты нормальный мужик, оказывается! – кинулся тогда обниматься охранник.

Третья учебная смена без всякой там администрации позволяла Кречетову чувствовать себя хозяином положения. Был класс, был рояль, были ученики. Было время, в течение которого он мог заниматься. Не было устойчивого графика занятий. Но он и не стремился к строгому раскладу.

Во-первых, сам он регулярно попадал в дорожные пробки. Так что понятие «Кречетов в пробке» скоро превратилось в притказку-анекдот среди всех, кто мало-мальски знал этого человека.

Во-вторых, между назначенными его «родными» учениками неизбежно втискивались неурочки, которые не были включены в расписание. Они находили его, чтобы узнать, как «правильно» играть Шопена или Шумана. Маститые профессора отправляли к нему студентов шлифовать стиль. Те, кто делал программу на зарубежный конкурс, тоже разыскивали Кречетова: «препод» прошёл огонь, воду и медные трубы, он знает, что им там нужно – каким они хотят слышать Баха, что за особенный звук у «настоящего» Моцарта, чем не взбесить жюри, исполняя Бетховена.

Таким образом, возле класса Кречетова возникала тусовка. Все хотели пройти вперёд других. Препод же решал вопрос по-своему – он рассортировывал «родных» учеников по классам: «Позанимайся! Я позвоню!»

Неурочки рассаживались вдоль стен класса на стульях, сами блюли очередь и ревниво следили, сколько кому достанется времени и поощрительных замечаний.

Кречетов часов не наблюдал: он методично добивался идеально выстроенного произведения. Пока на пороге не появлялся кто-нибудь из самых нетерпеливых «родных» и не заявлял что-нибудь вроде:

– Владислав Александрович! У меня собака дома целый

день не гуляна! Послушайте меня быстренько, пожалуйста, да я побегу. А то соседи!..

Самого последнего Кречетов довозил до ближайшего метро, чтобы тот успел проскользнуть в подземку до закрытия.

Так протекали месяцы.

Глава 7. Несносный Кречетов

Такой режим занятий не нравился многим. Особенно мамам мальчиков. Они неотступно сопровождали Петю и Лёшу, несмотря на то, что те вымахали на две головы выше своих родительниц. Каждая мать считала своим долгом уберечь юного гения не столько от нападения случайных хулиганов, сколько от хищных глаз и цепких рук какой-нибудь неожиданной соблазнительницы. Вдруг вывихнет нежные мозги гения и перегородит ему своим телом звёздный путь!

Они сидели обычно в фойе, ожидая, пока усатые уже вундеркинды оттачивали мастерство на занятиях ассистента профессора Добрышева Владислава Кречетова. Разговоры обычно крутились вокруг конкурсов, пристрастности жюри, протаскивания «своих», выигрышности программ и прагматичности молодых преподавателей. А также обсуждалось значение харизмы, деталей внешности и особенностей характера.

– ...Этот Кречетов, – Елизавета Николаевна, женщина с баклажановыми волосами, мама Лёши Филимонова, неизменно становилась центром притяжения беседы. – Вот профессор Добрышев – душа-человек. Всегда пунктуальный, всегда приветливый. К Алёшеньке как к сыну относится. А Кречетов! Недавно, ещё морозы были, такое учудил! Алёше на конкурсе в Японии выступать, он просит профессора по-

слушать свою программу, а тот в жюри, ему надо выехать раньше. Остаётся Кречетов! – выразительно описывала ситуацию Елизавета Николаевна. – Алёша приходит к нему на квартиру... Кстати, не знаю, чья квартира, но там стоит настоящий рояль Гилельса. Представляете, да? Так вот. Приезжает он, а Кречетов ему из-за двери говорит: мол, у него трубу прорвало, запачкался весь, пока воду перекрывал, ему, видите ли, надо в душ и переодеться. А ты уж подожди на лестнице или погуляй на улице. Хорошо сказать: «погуляй», на улице морозы крещенские. Алёша так продрог, что пальцы не мог разогнуть! А оказывается, Кречетов с платницей из Кореи занимался. Лёша с ней на лестничной площадке столкнулся. А Кречетову уже куда-то бежать надо. Он торопится. Лёша ещё руки не разыграл, а он ему: «Прибавь темп! Что ковыряешься!» Алёшу это прямо оскорбило. Ну что за несносный человек! – мамаша элегантно движением ухоженных рук поправила замысловатую причёску. – Вот они, молодые преподаватели: ученики для них – всего лишь рабочий материал для зарабатывания денег.

Этой родительнице дружно поддакивали две дамы пышных форм. Одна из них – мама Пети Костина. На мастер-классах она запомнилась многим, потому что всё время одёргивала Петю: расчешись, держи спину прямо, поправь воротник...

Вета сидела в отдалении и наблюдала за движением в фойе. В концертном зале шли экзамены. Входили и выходили

ли преподаватели. Выскакивали как ошпаренные ученики. Очередного героя сразу брали в кольцо сокурсники и тормозили: «Ну как?» В ответ слышалось что-нибудь вроде: «А! Пассаж в этюде залажал!» или «А! Кульминацию смазал!» или «А! В коде – слышали? – навалял!»

Сыпались опровержения сотоварищей, что, мол, абсолютно ничего не было слышно, что герою это просто показалось от излишней требовательности к себе, а так – всё было здорово! Все слышали!

Вышел Алёша Филимонов. Красные пятна на лбу и на скулах выдавали его нервозность.

– Лёш, ну как? – подскочили к нему девчонки.

– Как, как! Гениально! – без тени улыбки бросил Алёша и, не останавливаясь, направился к Елизавете Николаевне.

Следом, семеня мелкими шажками, из зала вышла Розалия Артуровна. Заметив директрису, все примолкли.

– Экзаменационная комиссия приступает к обсуждению оценок, – торжественно объявила Розалия Артуровна. – Полчаса можно отдохнуть, погулять, сходить в буфет.

И она царственной походкой удалилась в свой кабинет.

Фойе опустело. Стало непривычно тихо.

Через какое-то время двери зала приоткрылись, и вышел профессор Добрышев. Он не спеша прогулялся по длинному фойе туда-сюда, заложив руки за спину. Остановился у окна, закинув голову, посмотрел на синее весеннее небо. Чему-то улыбнулся. Потом повернулся и увидел Вету.

Он её помнил, и девочку Алё тоже. На мастер-классах она очень по-своему сыграла две пьесы из «Вре́мён года» Чайковского. Помнится, он пригласил её на свой конкурс, а она не приехала. Жаль!

Добрышев направился в сторону мамы запомнившейся девочки. Вета с готовностью поднялась ему навстречу:

– Здравствуйте, Антон Сергеевич!

Добрышев улыбнулся, заговорил:

– Здравствуйте, здравствуйте! Что ж вы на конкурс не приехали? У Али очень хорошо пьесы из «Вре́мён года» получаются. Знаете, их в консерватории изучают, и не у всех выходит передать настроение композитора. Надо музыку чувствовать, чтобы Чайковского играть. А у Али это есть. Да, кстати, она у Влада учится? Нравится ей? Он ведь очень талантливый...

– Антон Сергеич! – разнеслось по фойе. Это из кабинета вышла Розалия Артуровна и звала Добрышева. – Антон Сергеевич, мне надо с вами серьёзно поговорить.

Она решительными шагами пересекала пространство пустого фойе. Лёгкий шёлк свободной цветастой туники развевался в такт постукиванию чёрных лаковых каблучков. Тёмные подкрашенные брови были грозно сдвинуты, лицо пылало.

– Простите! – Добрышев пожал руку Веты, заключив её между тёплыми сухими ладонями. – У Али всё будет хорошо. Жду вас на следующий конкурс!

И он развернулся в сторону Розалии Артуровны.

Вета предпочла ретироваться в коридор. Но даже за стеклянными дверями, отделяющими коридор от фойе, был слышен громкий голос рассерженной директрисы:

– Антон Сергеевич! Так дальше продолжаться не может! Почему Кречетов пропускает занятия с учениками? Всё понимаю: молодой, деньги нужны, но с учениками заниматься надо. А он опять куда-то исчезает. Пусть составит мне график поездок на год вперёд! И потом, посмотрите на его лицо. Как он изменился! Был такой красивый парень, а сейчас что? Весь опух, вечно помятый и вообще как-то странно выглядит. Понимаете, о чём я говорю, Антон Сергеевич? Какой образ жизни он ведёт?

– Розалия Артуровна, уважаемая! Сейчас такое время – исполнитель рад любому приглашению выступить, тем более за границей, – негромкий голос Добрышева не уступал напору разгневанной Розалии Артуровны, – вы же знаете, что концерты, которые преподаватели играют в залах консерватории, не оплачиваются. Они как бы заложены в зарплату! А что это за деньги, представляете? Я не защищаю Влада, пропущенные уроки надо возвращать, но без концертов пианист не пианист, и я его понимаю! А то, что вы говорите – лицо... Поймите, у парня слом в душе, он никак в себя не придёт. И вы прекрасно знаете, из-за чего всё произошло. С каждым может... Владислав – мой любимый ученик, и я в него верю. Он редкий музыкант. И моё мнение – его надо

поддерживать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.